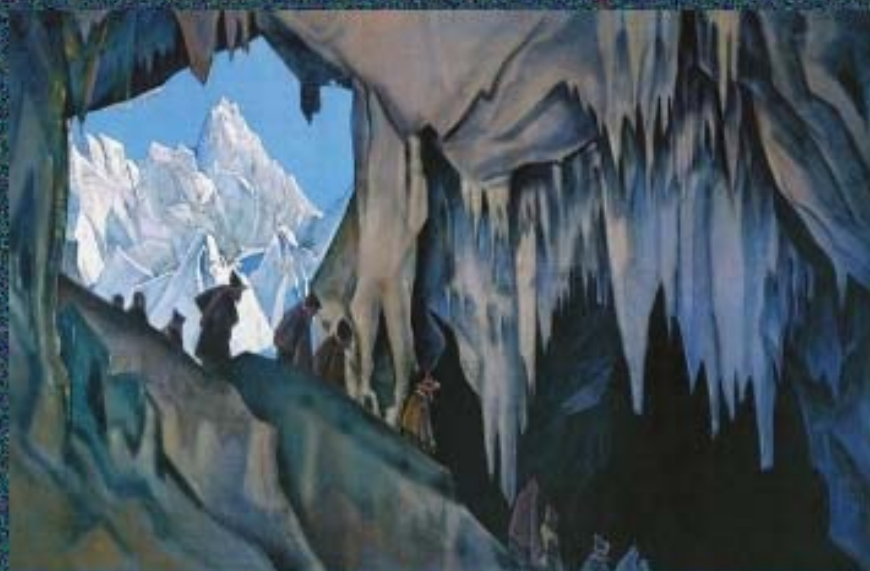

[Polaris]

Павел
ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

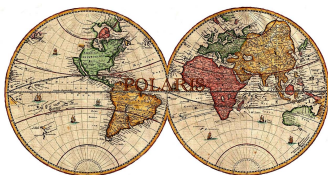

ДОЛИНА ДОЛГИХ
СНОВ

Затерянные миры

Том XII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XCV

Salamandra P.V.V.

**Павел
ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ**

**ДОЛИНА
ДОЛГИХ
СНОВ**

Затерянные миры

Том XII

Salamandra P.V.V.

Загребельный П. А.

Долина долгих снов: Приключенческо-фантастическая повесть. Пер. Н. Дубова. Рис. Г. Зубковского (Затерянные миры. Том. XII). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 90 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ХСV).

Повесть известного украинского писателя рассказывает об открытии неведомого мира в горной долине Тянь-Шаня. Его обитатели, одурманенные соком «цветов Неба», живут в тропическом раю под властью загадочных альбиносов...

© Author, translator, estate, 2015

© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

Павел Загребельный

ДОЛИНА ДОЛГИХ СНОВ

Приключенческо-фантастическая повесть

Рис. Г. Зубковского

Долина долгих снегов

Горы, как и океаны, скрывают от людей множество тайн. До сих пор в самых высоких горах мира Гималаях есть так называемые белые пятна, т. е. места, где не ступала нога человека, целые районы, о которых ничего определенного не могут сказать ни географы, ни альпинисты. Совсем недавно у нас на Тянь-Шане был открыт пик Победы — одна из высочайших вершин мира, и мы можем только удивляться тому, что на протяжении тысячелетий ни одному человеку не удавалось прежде заметить эту гору. А быть может, наши предшественники знали о существовании этого самого высокого в Небесных горах пика? Быть может, кому-нибудь не раз и не два удавалось уловить то короткое мгновение, когда гигантская вершина выглядывала из облаков? Горы молчат. Они не дают ответа на наши вопросы. Нам самим нужно переворачивать еще не прочитанные страницы гигантской каменной книги гор. Мы должны узнать, действительно ли в горах на линии вечных снегов, где нет ничего живого, куда изредка залетают снеговые грифы-кумаи, живет таинственный снежный человек — йети, в существование которого верит даже знаменитый шерп Тен-

синг, который впервые в истории человечества поднялся на Джомолунгму, этого царя всех вершин мира. Нам еще нужно убедиться в том, что в таинственных долинах Гималаев, Тянь-Шаня и Памира не живут какие-то неизвестные племена и народы. А если живут? Что если где-то за вечными снегами, в темной неприступной долине, уже тысячи лет существует целое государство — и мы о нем ничего не знаем! Что тогда?

ТРОЕ В ГОРАХ

На Тянь-Шаньской туристской базе Тюйрюк поднялась тревога: не возвратились на базу три киевских студента, которые еще на прошлой неделе ушли на высокогорные сырты — пастбища. Студентов ждали день, два, три — их не было. Ни одна из альпинистских групп, возвратившихся на базу, не встречала киевлян. Чабаны, пасущие овец на сыртах, тоже не могли сказать ничего определенного об исчезнувших студентах.

В то же время, когда пропали три студента, исчез и внук старшего чабана колхоза «Янги-юль» Токтогула. Но чабан был уверен, что его внучек Увайс спустился с гор в аил и лакомится там урюком в дедушкином саду. Ну и пусть. Он же еще ребенок. Двенадцать лет.

Токтогул никому не сказал об исчезновении Увайса. Когда его спросили о студентах, он пожал плечами: мол, горы большие, места много, разве обязательно все должны проходить мимо старого Токтогула?

А в это время высоко в горах, за линией вечных снегов, медленно продвигалась вперед небольшая группка людей. Впереди шел невысокий смуглый мальчик, одетый в меховой кожанок, шапку и удобные постолы из шкуры дикого яка. За ним шагали, нагруженные альпинистскими рюкза-

ками и всевозможными принадлежностями, необходимыми в горах, — альпенштоками, ледорубами, крепкими штормовыми веревками, — двое: юноша и девушка. Юноша, белокурый красавец с необыкновенно высоким лбом и ясными, как горное небо, глазами, все время пытался помочь

девушке, а та сердито, не поворачивая головы (на это у нее не хватало сил), говорила:

— Я ведь не маленькая, Максим!

Вообще девушка поражала своим здоровьем, которое так и светилось во всей ее фигуре, круглом загорелом лице, в ее движениях, точных и неторопливых. Но это бросалось в глаза лишь при первом взгляде. А если бы кто-нибудь присмотрелся более внимательно к девушке и ее спутникам, то заметил бы у всех троих признаки смертельной, нечеловеческой, безграничной усталости.

Вот уже несколько дней они поднимаются в горы. Бездонные ущелья со снежными мостами, крутые обрывы, морозные ветреные бессонные ночи, неприступные скалы,

тесные ложбины, заваленные тысячетонными каменными обломками — все это осталось у них позади. И вот теперь, когда все силы истрачены на борьбу с тем, что осталось внизу, они видят, что впереди — снова то же самое; неприступные кремнистые скалы, снега, морозы, лавины, разреженный, почти лишенный кислорода воздух, которого не хватает для дыхания, который сушит горло, легкие и вызывает адскую, неутолимую жажду. Когда же будет конец? Дойдут ли они до своей цели?

— Далеко еще до пещеры, Увайс? — спросила девушка мальчика-киргиза, который шел первым.

— О, Поля, совсем, совсем недалеко. Сто метров, триста метров, может, полкилометра. Я повел вас в обход, чтобы безопаснее. Так водил меня и мой дедушка Токтогул, — ответил Увайс.

— Давайте немножко отдохнем, — сказала Поля. — А то я сейчас упаду.

Максим бросился к ней и поддержал ее рюкзак, пока она снимала лямки с плеч. Увайс, положив свой мешок на камень, тоже принялся помогать Поле, но вдруг хлопнул ладонями об полы кожушка, подпрыгнул и закричал:

— Битка, Битка!

Максим и Поля, освободившись от тяжести, тоже посмотрели в ту сторону, куда смотрел Увайс, и увидели далеко внизу, среди заснеженных гранитных глыб, движущуюся черную точку. Это бежала по их следам собачка Увайса Битка.

Через несколько минут Битка с радостным визгом подкатилась к ногам Увайса. Мальчик погладил собачку, поцеловал ее в холодный влажный нос и, запустив пальцы в густую черную шерсть, отыскал на шее Битки записку, привязанную к ошейнику. Он подал записку Максиму, тот торопливо развернул ее, и все трое почти одновременно прочитали: «Дорогие друзья! Все хорошо. Меня уже лечит дедушка Токтогул, который шлет вам привет и обещает не ругать своего внука, когда он вернется. Желаю вам счастья. Ваш Дмитрий Петрюк».

— Ну, теперь я хоть спокойна за Дмитрия, — с облегчением вздохнула Поля. — А то я так волновалась!

* * *

Три дня тому назад, перед самым трудным подъемом на заснеженный перевал, их четвертый товарищ Дмитрий Петрюк внезапно упал и заявил, что дальше идти не может: повредил ногу. Предложение Максима помочь ему спуститься в долину он отклонил: мол, доберется и сам, а они пусть продолжают свои поиски, ведь неудобно возвращаться в Киев с пустыми руками. После долгих споров сошлись на том, что Петрюк возьмет с собой собачку Увайса Битку и, в случае надобности, пришлет с ней записку.

— Нам везет, — сказала Поля. — Дмитрию уже не угрожает опасность, а мы сейчас увидим, наконец, пещеру. Жаль, что с нами не будет Дмитрия. Пойдемте, мальчики?

— Можно идти, — солидно согласился Увайс, кончая завязывать один из своих постолов.

Еще какая-то сотня шагов — и их взглядам открылось небольшое углубление в серой мраморной стене. Пещера была неглубокая, с ровными, почти отполированными стенами и имела такую точную геометрическую форму, что можно было подумать, будто кто-то сознательно выпилил в сплошном каменном массиве куб, вытащил этот куб на площадку, спустил его по склону куда-то вниз, в неизвестность, и таким образом в горе появилось отверстие. В пещере было сухо и тихо. Какой-то черный мох, растущий прямо на камне, устилал ее дно мягким, хотя и не очень толстым ковром.

Увайс быстро приблизился к задней стене пещеры, остановился, наклонил голову к левому плечу, словно любясь чем-то необыкновенно прекрасным, и указал рукой:

— Вот. Цветы Неба.

Максим и Поля бросились к нему. На гладкой поверхности стены, сквозь черную кору лишайников смутно про-

ступали очертания какого-то непонятного рисунка. Несколько беловатых кружков были похожи и на облачко, плывущее по голубому небу, и на большой цветок, и на листок индийского лотоса.

Максим решительно потер рукой вокруг кружков, сухие лишайники посыпались со стены, точно шелуха, и перед глазами путешественников предстал целый букет странных, невиданных цветов.

— Я могла бы поклясться, что один из этих цветов нарисован на щите черепахи, который хранится у профессора Бойко! — воскликнула Поля.

— Этого никто не станет от тебя требовать, так как рисунок действительно во многом совпадает, — сказал Кочубей.

— Во многом! — всплеснула руками Поля. — Да ведь он самым точным образом повторяет форму щита и цветок в его центре.

— Не совсем точно, — не согласился Максим. — Взять хотя бы эти длинные стебли, которых на щите черепахи нет совсем. Ведь там только один цветок, а тут от каждого цветка идут вниз извилистые линии, одна из которых, как ты видишь, кончается чем-то вроде стрелки, а все другие — ка-

кими-то иероглифами. Ты не можешь прочитать хотя бы один из них?

— К сожалению, я еще не профессор и даже не аспирант, — засмеялась Поля. — К тому же эти иероглифы написаны не совсем ясно. Если бы здесь был Иван Терентьевич — тогда другое дело,

— Придется перерисовать все то, что тут изображено, — сделал вывод Максим, — так как вряд ли у нашего Увайса найдется время, чтобы еще раз вести нас сюда через плато и перевалы. Не так ли, Увайс?

— Почему не найдется? — усмехнулся Увайс.

Остаток дня ушел у них на то, чтобы начертить приблизительную карту местности, сделать несколько рисунков панорамы тех вершин, которые виднелись в этом царстве туч, солнца и холодного, необычайно синего неба, а также на то, чтобы точно скопировать все, изображенное на задней стене пещеры.

Ночевать они остались там же, на мягком мхе, в тихой и уютной гранитной комнатке. Около полуночи в горах начался ветер. Он метался среди острых неподвижных вершин, со свистом катился по склонам, стонал около входа в пещеру, пытаясь забраться во внутрь, и летел дальше, завывая от бессилия и злобы. Утомленные тяжелыми переходами, наши друзья крепко спали всю ночь, только собачка Увайса то и дело повизгивала сквозь сон и почему-то испуганно вздрагивала. Увайс, не просыпаясь окончательно, находил мягкую собачью лапу, прижимал ее к себе и сонно бормотал:

— Битка, Битка!

Первой утром проснулась Поля. Она вышла из пещеры и, прищурив глаза от нестерпимого блеска снеговых полей и резких лучей солнца, которое показалось где-то далеко на востоке, глянула вниз.

И от того, что она увидела, у нее невольно закружилась голова, потемнело в глазах, а сердце забилося быстро-быстро, как во время подъема на крутой перевал.

Ветер, который целую ночь бушевал в горах, развеял густую завесу облаков, скрывавших землю, и теперь на месте

вчерашних бесконечных снежных полей трепетал в золотых лучах солнца необъятный голубой океан прозрачного воздуха, по которому лишь кое-где проплывали небольшие паруса молочно-белых облачков.

А внизу, на самом дне этого голубого океана, в тени от неимоверно высоких гор, лежала ровная, просторная долина, которая имела форму гигантской подковы. Концы подковы были повернуты как раз в сторону того склона, на котором стояла сейчас Поля, южная дуга подковы украшалась каким-то неведомым пиком, стройным и острым, как копьё, а в конце северной дуги виднелась мраморная громада Хан-Тенгри, Властелина Неба. Долина была далеко, очень далеко от Поли. Казалось, будто она лежит ниже уровня подножия гор. Во многих местах долину пересекали какие-то светлые полосы – то ли залегли там среди зеленых лесов туманы, или, может быть, то поблескивали водяные зеркала спокойных теплых озер. На востоке, в самом конце подковы, маячили очертания каких-то величественных сооружений странной формы, слишком странной, чтобы принять их за горы, и слишком необычной, чтобы считать их произведением человеческих рук. Теплый ветер веял из долины, и удивительно было ощущать его, стоя в самом центре вечных снегов.

Несколько минут Поля стояла неподвижно, без сил, без желания говорить, во власти одной лишь мысли: смотреть, без конца смотреть на эту сказочную страну, которая лежала у ее ног, впитывать глазами самые мелкие, самые не приметные детали. Наконец она опомнилась и тихо, словно боясь спугнуть это волшебное видение, позвала:

— Максим, Увайс! Скорее ко мне!

Первым откликнулся на ее зов Увайс. Он вышел из пещеры, протирая узенькие щелки своих глаз, громко зевнул, зачем-то понюхал воздух, потом посмотрел туда, куда молча показывала Поля, и внезапно, сорвав шапку с головы, швырнул ее на землю.

— Ай Увайс! Ай молодец! – пританцовывая и хлопая руками себя по бедрам, весело закричал он. — Ай батыр!

Первый увидел такое! Никто еще не видел! Новая долина! Совсем новая!

Услышав эти возгласы, из пещеры выбежал и Максим, но сразу же, как только посмотрел вниз, кинулся назад за своим планшетом.

Он хотел зарисовать долину Подковы во всех подробностях и, несмотря на холод, начал даже разводить акварельные краски, которые всегда носил в сумке. Но в это время редкие белые облачка стали собираться во все большие и большие табуны, из-за острого пика, который поднимался на юге, двинулись целые армады этих легких небесных кораблей, и через полчаса под ногами у путешественников снова поблескивала безбрежная, однообразная и безнадежная мгла. Долина исчезла так же внезапно, как и появилась.

Не хотелось верить, что совсем недалеко от тебя находится, быть может, совсем неизвестная человечеству земля и ты не имеешь возможности не только попасть туда, а даже посмотреть на нее хотя бы еще раз. В надежде на то, что тучи разойдутся, наши друзья прождали почти полдня, но все было напрасно. Долина Подковы спряталась от взоров случайных людей, как пряталась уже тысячи лет.

Спускаться в долину они не могли, потому что уже кончались продукты и, кроме того, за короткое время, когда она была видна, им удалось заметить, что туда нет никакой дороги. Долина была отрезана от внешнего мира крутыми тысячеметровыми обрывами, одолеть которые могли бы только сказочные великаны.

Позавтракав замерзшей колбасой, они двинулись обратно, условившись, что сразу же свяжутся с ближайшей альпинистской базой и возвратятся сюда с опытными альпинистами.

Чтобы сократить путь, Максим уговорил Увайса идти не по старым следам, а напрямик, пересекая склон, над которым была пещера с цветами Неба.

Склон был покрыт толстым слоем снега, на поверхности которого от таяния образовалась крепкая корка. Каждый альпинист знает, что в таких местах надо обязательно

идти след в след, чтобы не «прострочить» насквозь следами этой поверхностной корки, потому что тогда от давления верхних масс снега корка сдвинется ровно настолько, чтобы закрыть промежуток, образованный следами людей. Но стоит ей сдвинуться с места, как гигантские массы снега, спокойно лежавшие перед тем наверху, начнут двигаться вниз, ежеминутно набирая все большую скорость, чтобы уже через несколько минут лавиной мчаться в долину, увлекая за собой все, что встретится на пути.

Легко себе представить, что почувствовал Увайс, когда, оглянувшись, увидел, как Поля и Максим, будто боясь провалиться в его следы, тщательно обходят их и старательно протрачивают мертвую снеговую скатерть отпечатками тяжелых ботинок.

— Битка, подожди меня здесь, — сказал он собаке и пошел назад, навстречу Максиму и Поле, стараясь точно попасть в свои следы.

На всю жизнь врезался ему в память этот склон, ровный и белый, будто гигантский лист чистой бумаги, и на нем две движущиеся темные фигуры. Увайс был уже недалеко от Максима и Поли. Битка заскулила сверху. Она, должно быть, хотела предупредить своего хозяина об опасности. А мальчик все еще молчал, боясь даже криком всколыхнуть угрожающую горную тишину, которая вот-вот могла прорваться грозным грохотом обвала. Он уже думал, что вот сейчас дойдет до Поли, скажет ей, как нужно идти, и все обойдется благополучно. И как раз тогда послышалось шуршание. Оно было тихим и даже будто бы нежным, но вдруг прогремело, как гром, и его услышали все: и Максим, и Поля, и Увайс, и его Битка, которая попробовала броситься к своему хозяину, а потом, испуганно повизгивая, вскарабкалась еще выше, где нависал над снегом спасительный выступ скалы. Максим и Поля сделали еще несколько шагов навстречу Увайсу — и это были их последние шаги. В ту же секунду шуршание перешло в глухой шум, половина горы сдвинулась с места и поползла вниз. Еще было время, что бы попробовать спастись, но Поля и Максим вместо того, чтобы бежать к Увайсу, от неожиданности

остановились. Мальчик, видя это, бросился к ним, но уже ничего не успел сделать. Непреодолимая сила подхватила всех троих и понесла вниз, все быстрее и быстрее, окутывая холодным снегом.

Еще долго после того гремели горы, долго металось в ледяной пустыне равнодушное эхо, а еще дольше стояла под защитой скалы маленькая собачка Битка, ожидая возвращения своего хозяина и его друзей.

Но они не возвращались. Тогда Битка, еще раз печально тявкнув, повернулась и побежала по пути, каким вел сюда всех их Увайс.

ТАЙНА ЩИТА СТАРОЙ ЧЕРЕПАХИ

Известному киевскому профессору-палеографу Ивану Терентьевичу Бойко во время одного из его путешествий в Китай китайский академик подарил большой черепаховый щит. На таких щитах несколько тысяч лет тому назад в Китае записывались различные события, подобно тому, как ассирийцы делали это на глиняных табличках, а древние египтяне на листках нильского папируса.

Щиту, который был подарен Ивану Терентьевичу, как утверждали специалисты, было около четырех тысяч лет. Разумеется, цифра эта была приблизительной, и щит мог оказаться старше в два, а то и в три раза, а мог быть и «моложе». На его выпуклой поверхности довольно отчетливо проступали иероглифы необычной формы, высеченные чем-то острым и разрисованные чрезвычайно стойкими красками, не похожими, как показал химический анализ, ни на какие современные. Краски и линии самих иероглифов были подобраны с таким расчетом, чтобы они полностью совпадали с естественным рисунком щита. Поэтому на некотором расстоянии никакой надписи на щите вообще нельзя было заметить. Зато вблизи каждому становилось яс-

но, что эти извилистые канавки и прямые бороздки, заполненные затвердевшими на протяжении тысячелетий красками, не что иное, как текст, написанный человеческой рукой. Но что означала эта надпись? В своем старании при держиваться естественных линий щита древний художник в такой степени изменил внешний вид иероглифов, что никто не мог разобрать ни одного слова.

Китайский академик, который подарил профессору Бойко этот щит, рассказал, что, согласно существующим легендам, щит привезен в Пекин из северо-западных областей Китая и что кто-то из специалистов когда-то даже высказал мысль о том, будто бы эта надпись указывает на существование какой-то еще неведомой старинной культуры в этих местах.

Иван Терентьевич решил раскрыть тайну, которую скрывал старый щит. Он бился над этим несколько лет, пока как-то, совершенно случайно, не обратил внимания на странную форму щита. Собственно, заметил это не он, а его внук Андрейка, который все время крутился возле деда и тоже мечтал, наверно, в свое время стать палеографом. Андрейка как-то принес в кабинет дедушки маленькую речную черепаху и, положив ее на стол рядом с остатками старинной, вдруг воскликнул:

— Дедушка, да они же совсем непохожи!

Профессор быстро подошел к столу, посмотрел туда, куда показывал Андрейка, и вдруг почувствовал, что весь холодеет.

Щиты живой и мертвой черепах имели совершенно различную форму. Над старинным щитом кто-то трудился, чтобы сделать его похожим то ли на цветок, то ли на облачко, то ли на листок лотоса, и он действительно утратил свою естественную форму. Так вот где была разгадка тайны!

Теперь уже профессору легко было расшифровать надпись. Внешние очертания щита точно повторялись в самом центре надписи, а сами иероглифы шли, как теперь нетрудно было увидеть, не по вертикали, не по горизонтали и вообще не по прямой или ломаной линии, а по кругу, оги-

бая со всех сторон и заполняя изнутри этот цветок, облачко или листок лотоса.

На щите было написано:

«Не стоит прыгать в воду, когда челн еще не перевернулся. Но челн моей жизни уже шатается над бездной вечности, и потому я решил сказать о том, чего никто не знает. Я проткнул в уши слов китайские украшения и индийские жемчужины, чтобы читатели знали, что в оснащении нет недосмотра, а в положении нет слабости, а помощь и содействие небесных сфер, именем которых и называются цветы. Об этом же говорят и стихи:

Белые цветы
В горах Цун-лина
В этот год
Еще пышнее стали.
Насбирай их
Полные корзины
И утешь меня
В часы печали.

Эти цветы прекраснее и белоснежнее хризантем, а растут они в долине Подковы, которая лежит на две тысячи чжанов* ниже Великой горы Цун-лина. Это я говорю, Сюанцзян, великий путешественник и каллиграф царства Ся. Долина Подковы укрыта снегами в сторону Солнца и Великой горы, а Великую гору можно заметить только с горы Царей. Цветы Неба дают свои соки в конце лета, и от напитка, который готовят белые братья, мужчины спят по пять лет, а женщины — по четыре. Много будет когда-нибудь слухов о цветах Неба в Небесных горах, но лучше один свидетель, нежели десять тысяч слухов. Есть стихи:

О Яшмовых храмах,
О море снегов необозримом,

* Чжан – китайская мера длины. Равняется трем метрам.

О солнце горячем,
О цветах, умытых росой,
Лишь тот расскажет вам,
Кто в горах попробовал горя,
Кто в ночи холодные
Звезд касался рукою.

В долину Подковы нет пути. Я пришел туда один. Спутники мои погибли, я тоже едва не погиб, так как отказался от напитка забвения. Белые братья послали за мной в погоню смуглых воинов, но смуглые испугались холодных снегов, которых мы достигли на пятый день, и отстали от меня. Я же снова возвратился домой и увидел своих друзей.

Я оставляю после себя щит — Знак, а также цветок — Знак. И пусть смелые попробуют достичь долины Подковы с Яшмовым храмом, где растут цветы Неба».

После этого профессор Бойко потерял покой. Он был уверен, что та страна, о которой писал на щите великий китайский путешественник Сюан-цзян, действительно существует и еще до сих пор никем не открыта. Он знал, что несколько тысяч лет тому назад горами Цун-лин в Китае называли современный Тянь-Шань, поэтому страну с цветами Неба следовало искать на Тянь-Шане. Долина Подковы, как утверждал Сюан-цзян, находится где-то между горой Царей и Великой горой, которые, очевидно, являются не чем иным, как высочайшими вершинами Тянь-Шаня — пиком Победы и Хан-Тенгри. Таким образом, поиски ограничивались пока только этим районом. А если знаешь, что искать и где искать, то всегда найдешь.

Два лета, во время отпуска, профессор Бойко ездил на Тянь-Шань. Он никому не говорил, что хочет найти в горах: боялся, чтобы над ним не смеялись. Он по неделям пропадал где-то в самой зоне снегов, возвращался на турбазу утомленный, обессиленный, но, отдохнув несколько дней, снова брал с собой проводников-киргизов и отправлялся в горы. Ночью, у костров, он слушал легенды, которые ему рассказывали киргизы, но ни в одной из них не находил

даже намек на существование долины, в которой живут неизвестные никому люди.

В университете над профессором потихоньку посмеивались. Его считали старым чудаком и не больше. Как вдруг этим летом, во время каникул, трое студентов третьего курса, которые работали с профессором над древними рукописями, никому ничего не говоря, поехали на Тянь-Шань. Они поехали туда как туристы, но из Пржевальска Максим Кочубей написал Ивану Терентьевичу письмо, в котором сообщал профессору, что они хотят продолжить начатые им поиски и будут счастливы, если удастся доказать правдивость предположений их любимого учителя.

Получив письмо, профессор немедленно телеграфировал начальнику турбазы Тьюрюк, требуя, чтобы тот запретил его студентам эту опасную экспедицию, но телеграмма пришла слишком поздно; Дмитрия, Максима и Поля уже не было в лагере.

Студенты, намаявшись в горах, спускались вниз, подавленные неудачей, когда случайно встретили Увайса. Они рассказали ему, что ищут цветы Неба, и мальчик охотно согласился проводить их в высокогорную пещеру, где были какие-то цветы, о которых ему рассказывал его дедушка Токтогул. В прошлом году Увайс побывал в той пещере вместе с дедушкой, потому что, как говорил старик Токтогул, каждый батыр должен хотя бы раз в жизни добраться до пещеры с чудесными цветами на ее стенах.

И вот теперь круг замкнулся. Максим и Поля увидели наконец цветы Неба, но узнает ли об этом кто-нибудь?

ДМИТРИЙ ПЕТРЮК ВОЗВРАЩАЕТСЯ В КИЕВ

Петрюк сидел у приемника и крутил ручку вариометра. Он приходил в чайхану с утра, заказывал себе завтрак, пил чай, потом садился к радиоприемнику и начинал искать

музыку. От этой музыки у чайханщика Ибрая Абдумомунова уже гудело в голове, но законы гостеприимства не позволяли даже намекнуть на то, что приезжий надоел хозяину, и поэтому Ибрай вынужден молча слушать и отчаянную трескотню, и хор Пятницкого, и оркестр Утесова, и концерты скрипачей, от которых чайханщика клонило ко сну. В конце концов он не так беспокоился о собственной голове, как о приемнике. Этот небольшой ящичек из полированного дерева Ибрай включал только для особо уважаемых посетителей, он берег его, как берегут в колхозе чистокровных скакунов, а тут вдруг драгоценный радиоприемник заставляют работать двенадцать часов в сутки! Чайханщик попробовал схитрить. Он подошел к Дмитрию, изобразил на своем лице величайшее удовольствие, которое он, мол, испытывал от слушания непрерывных концертов, и сказал:

— Товарищ инженер (неизвестно почему, он решил, что Петрюк инженер, и упорно называл его этим именем), дорогой товарищ инженер! Может быть, ты выпьешь чашечку чаю с ферганским урюком? Мой знакомый только вчера приехал из Маргелана, привез хороший урюк. Золотой урюк!

Но Петрюк совсем не испытывал желания объедаться урюком, пловом или гошкойдой. Он был точен, как часовой механизм. Завтракал в девять, обедал в четыре, а вечером пил чай с санзой. Он объяснил чайханщику, что жевать целый день — вредит здоровью, что у него есть режим и что он, Петрюк, больше всего заботится о том, чтобы соблюдать этот режим.

— А музыка — тоже режим? — осторожно спросил Ибрай.

— Музыка — это от скуки. Понимаешь, что такое скука?

Ибрай этого не понимал. С самого своего рождения он не помнил ни одного дня, когда бы оставался без работы, а человек, занятый делом, никогда не скучает.

— Разве ты можешь это понять? — махнул рукой Дмитрий. — Я жил в большом прекрасном городе, а сейчас попал в такую дыру.

— Дыру? — удивился Ибрай. — Ты говоришь, наш аил — дыра? А ну, прекрати, пожалуйста, музыку. Не крути так ручку, а то испортишь приемник. Я за него расписывался.

— Ах, подумаешь, какая большая ценность! — презрительно воскликнул Петрюк и так покрутил что-то в приемнике, что тот только задрезбезжал.

Ибрай медленно приблизился к Дмитрию и, заложив за спину руки, остановился в трех шагах от «любителя» музыки. Он был очень высокого роста, Ибрай Абдумомунов. Старенький фронтовой китель едва сходил на могучей груди чайханщика, а его ноги в широких легких шароварах, заправленных в мягкие, как чулки, сапоги без каблучков, упирались в пол чайханы, как каменные колонны. Ибрай мог бы вышвырнуть вон отсюда этого сухоносого «инженера», как котенка. Он мог бы сказать ему несколько таких язвительных слов, что тот не знал бы потом, куда деваться от стыда. Ибрай мог бы разгневаться, покраснеть, раздуть ноздри своего короткого, но крепкого и красивого носа. Но он помнил, что хозяин не имеет права оскорблять гостя. Достаточно уже того, что он, Ибрай Абдумомунов, потерял на минуту терпение и, кажется, наговорил грубостей. И потому чайханщик молча стоял перед Петрюком, надеясь, что тот сам поймет нетактичность своего поведения.

В это время зашел в чайхану старик Токтогул.

Он был в своей чабанской меховой шапке, в которой его привыкли всегда видеть в аиле, широкие плечи облегал тот самый старый ватный чапан, который защищал плечи Токтогула и в прошлом и в позапрошлом годах. Все так же задорно, как всегда, торчала на лице старика белая редкая борода. И лицо у Токтогула было такое же невозмутимое, спокойное, черное от горного солнца и ветров, без единого грамма лишнего мяса на острых скулах.

Но в глазах у старого Токтогула было столько тревоги, растерянности и скорби, что Ибрай, забыв о всякой сдержанности и чинности в разговоре с таким почетным посетителем, как известный на всю Киргизию чабан, воскликнул:

— Что случилось, дорогой Токтогул? Не заболел ли ты? Не погибла ли твоя отара от какой-нибудь беды?

— Где тот человек, что пришел с гор? — вместо ответа спросил Токтогул.

— Ты спрашиваешь об инженерере? — догадался Ибрай. — Так вот он сидит перед тобой.

— Я вижу спину, а не лицо, — ответил старик.

— А вам хочется посмотреть на мое лицо? — засмеялся Петрюк, поворачиваясь к чабану. — Здравствуйте, дедушка!

— Ты скажи мне, куда девался Увайс? — уставился на него Токтогул.

— Увайс? Я же вам уже говорил при встрече на пастбище. Они пошли дальше в горы разыскивать какие-то цветы, а я вывихнул ногу и...

— Может, ты бы сел, уважаемый Токтогул, — несмело предложил Ибрай. — Длинный разговор, как длинная дорога — его не выдержишь.

— Не мешай мне, Ибрай, — отмахнулся от него чабан. — Пусть сначала ответит этот человек, спустившийся с гор. Куда девался Увайс?

— С таким же успехом я могу спросить у вас, — развел руками Петрюк. — Они направились вверх, я спустился вниз — вот и все, что мне известно.

— Ты покажешь свои документы Джетыкашкаеву, нашему уполномоченному милиции, — твердо сказал Токтогул. — Мы должны знать, кто ты такой, потому что ни мой Увайс, ни твои товарищи не вернулись с гор, а прибежала только Битка. И она плачет. Ты понимаешь, Ибрай, что это значит, если Битка плачет!

— О, — вздохнул Абдумомунов. — Как не понять, драгоценный Токтогул. Если Битка плачет, то может заплакать и человек.

— Так возьмите охотников, сходите узнайте, может, действительно мои друзья и ваш внук попали в беду, — сказал Петрюк.

— А ты? Ты же знаешь, куда они пошли. Разве ты не пойдешь разыскивать своих товарищей? — удивился чабан.

— Я ведь вам сказал уже, что у меня нога... — скривился Дмитрий. — И кроме того я должен немедленно вылететь в Киев, чтобы сообщить нашему профессору о несчастье.

И, демонстративно прихрамывая, он вышел из чайханы, оставив старого Токтогула наедине с его горем.

Петрюк спешил. Уже через день он был во Фрунзе, а еще через два дня ехал из Киевского аэропорта к себе домой.

Однако тот, кто подумал бы, что Петрюк спешил в Киев, чтобы как можно скорее сообщить профессору Бойко о несчастье в горах, глубоко ошибся бы.

Ни в тот день, когда он прибыл самолетом в столицу Украины, ни через день, ни даже на третий день Петрюк не пошел к Ивану Терентьевичу. Он исчез в большом городе, как иголка в копне сена, и можно было подумать, что студент Киевского университета Дмитрий Петрюк еще не возвращался в свой город и до сих пор блуждает где-то по заснеженным сыртам Тянь-Шаня.

В субботу после полудня кто-то из студентов показал профессору Бойко номер молодежной газеты, где было написано об исчезновении на Тянь-Шане трех киевских студентов. В воскресенье почтальон принес Ивану Терентьевичу прямоугольный синий конверт с почтовым штемпелем города Фрунзе.

Иван Терентьевич торопливо разорвал конверт и развернул листок белой твердой бумаги.

Он хорошо помнил этот почерк. Недаром же всю жизнь ему приходилось иметь дело с рукописями. Эти круглые, выведенные спокойной рукой буквы принадлежали не кому иному, как Максиму Кочубею.

Максим писал:

«Дорогой Иван Терентьевич!

Заранее прошу прощения за то, что вместо строгого научного отчета о результатах работы нашей маленькой экспедиции я обращаюсь к вам с этим совершенно интимным письмом.

Дело в том, что все поиски долины Подковы и цветов Неба оказались напрасными — очевидно, мы имеем дело с обыкновеннейшей легендой. Поэтому, по моему предложению, экспедиция закончила свои поиски фантастического мира. Дмитрий Петрюк возвращается в Киев, так как он серьезно повредил ногу. Мы же с Полей решили еще задержаться здесь на некоторое время, пожить среди чабанов, подышать волшебным воздухом Тянь-Шаня. Очень сожалеем, что нам не удалось найти долину Подковы, но что ж поделаешь! На турбазу нам теперь стыдно возвращаться, поэтому ни Дмитрий, ни мы там уже больше не будем.

Пишу в горах, положив этот лист бумаги на камень, поэтому мое письмо вышло таким сумбурным, а почерк таким растрепанным.

Примите наш самый сердечный привет. Ваши ученики Максим Кочубей и Полина Онуфриенко».

— Что вы на это скажете, Иван Терентьевич? — спросил сам себя профессор. — Неожиданность за неожиданностью.

То они исчезли, то они дышат горным воздухом. Кому же верить?

А в это время на другом конце города Дмитрий Петрюк тоже читал письмо, на конверте которого также стоял почтовый штемпель города Фрунзе. Письмо было короткое, всего три строчки.

«Дорогой Дима!

Поздравляю тебя с благополучным возвращением домой. Расти большой и не кашляй. С уважением Дмитрий Петрюк».

— Значит, профессор тоже получил уже письмо, — подумал Петрюк, поднося зажженную спичку к своей цидулке.

АНДРЕЙКА СТАНОВИТСЯ КРИМИНАЛИСТОМ

На другой день, в десять часов утра, по лестнице, ведущей в квартиру профессора Бойко, неторопливо поднимался высокий юноша. Правой рукой он опирался на толстую палку, левой все время держался за перила, но и это ему мало помогало, так как он поднимался очень медленно. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы заметить, с каким трудом переставляет юноша свою левую ногу, как он перетягивает ее со ступеньки на ступеньку, непослушную, одеревяневшую, неподвижную, как протез. Возле двери с табличкой «Бойко И. Т.» юноша остановился, долго вытирал вспотевшее лицо, потом глубоко вдохнул воздух и нажал кнопку звонка.

Дверь открыл Андрейка. Он ошеломленно заморгал, отступил немного назад, потом стремительно повернулся и побежал в комнаты, выкрикивая:

— Дедушка, Дмитрий приехал! Дмитрий с Тянь-Шаня!

Иван Терентьевич вышел навстречу гостю, встревоженный и растерянный и, даже не поздоровавшись, сказал:

— Петрюк? Вы? А Кочубей и Онуфриенко тоже приехали?

Он тут же заметил неестественно прямую ногу Петрюка и спохватился:

— Простите, у вас что-то с ногой, а я сразу со своими расспросами. Прошу ко мне, прошу.

Петрюк прошел в профессорский кабинет, удобно устроился в низком кресле с мягкой спинкой, положил палку возле своей прямой, как костыль, левой ноги и глухо произнес:

— Я узнал ужасную новость в дороге...

— Вы о чем? — все еще не желая отказать от надежды на возвращение Максима и Поли, спросил профессор.

— Вот об этом, — сказал Дмитрий, вынимая из кармана тот самый номер газеты, в котором было напечатано трагическое сообщение.

— Вы считаете, что с ними могло что-то случиться? — воскликнул профессор.

— К сожалению, — вздохнул Петрюк. — Если бы не моя нога, я бы не оставил их. Они оба такие неосмотрительные, такие несерьезные.

— Но что у вас с ногой?

— Пустяки: вывих. Но по горам лазить трудно. Да что по горам: я едва взобрался к вам на второй этаж.

— Надо было бы полежать.

— Как же я могу лежать, когда такое несчастье с товарищами! Вот только заехал с аэродрома в клинику, завез домой вещи — и прямо к вам.

— Видите, — сказал профессор, — я уже хотел было вылететь в Киргизию, но вчера получил письмо от Кочубея.

— Письмо? — живо переспросил Петрюк. — Что же он там пишет?

— Он пишет, что они решили отдохнуть где-то на пастбищах и потому не возвратятся на турбазу.

— Не возвратятся, — печально вздохнул Дмитрий и рассказал профессору о том, как прибежала с гор осиротевшая Битка.

— Выходит, — сказал профессор, — что уже тогда, когда письмо шло в Киев, Максима и Поли не было в живых?

— Ну, к чему такие предположения, Иван Терентьевич! — воскликнул Петрюк. — А вдруг они живы-здоровы?!

— Будем надеяться. Но как бы там ни было, я должен сегодня же лететь в Киргизию. В их несчастье прежде всего виновен я.

— Совсем не вы, а я, — поднялся с кресла Дмитрий. — Ведь это я уговорил их поехать на Тянь-Шань.

— Я должен был вернуть вас с дороги, — не соглашался профессор.

— Мы бы не вернулись, — упрямо стоял на своем Петрюк. — И именно потому, что главный виновник всего — я, я и пришел к вам просить разрешения поехать вместе с вами на розыски Максима и Поли.

— А ваша нога?

— О, мне сказали в больнице, что еще три-четыре дня — и уже можно будет ходить почти свободно.

— Я бы все-таки вам не советовал, — попробовал отговорить Дмитрия от его намерения Иван Терентьевич.

— Нет, нет, мое место там и только там! — решительно запротестовал Петрюк.

— Ну что ж, я подумаю, — пообещал профессор. — А сейчас я позвоню на аэродром.

Однако выяснилось, что нужный им самолет будет только завтра утром. Это еще больше взволновало Ивана Терентьевича, и он стал звонить всем своим знакомым, сообщая о несчастье и прося помочь ему как можно скорее вылететь из Киева. Но из этого ничего не вышло.

— Что ж, — развел руками профессор, — тогда до завтра. Приезжайте прямо на аэродром. О билетах я позабочусь. Но смотрите, чтобы с ногой все было хорошо!

— Будьте спокойны, Иван Терентьевич, все будет хорошо! — весело воскликнул Петрюк и захромал к выходу.

Профессор сам закрыл за ним дверь и несколько минут стоял, прислушиваясь к постукиванию палки по каменным ступеням, хотя вряд ли он слышал это постукивание, так как его голова была занята совсем другими мыслями. Вывел его из задумчивости звонкий голос Андрейки.

— Дедушка! — кричал внук. — Идите-ка сюда, посмотрите!

— Что там еще? — усмехнулся профессор и направился в столовую, у окна которой стоял внук.

— Смотрите, смотрите, — прошептал тот.

Иван Терентьевич подошел к окну, посмотрел вниз на улицу и не поверил своим глазам. По тротуару, весело помахивая толстой палкой, быстро шагал Дмитрий Петрюк, и даже самый опытный врач не мог бы сказать, что минуту назад у этого юноши была больная нога.

— Гм, — пробормотал профессор, — странно, очень странно. Что ты на это скажешь, Андрейка?

Но непоседливого внука уже не было возле ученого дедушки. Иван Терентьевич не отрывал взгляда от Петрюка, пока тот не завернул за угол. Профессор пошел в свой кабинет. Он хотел еще раз прочитать письмо, полученное от

Максима, и уже достал из ящика стола очки, как вдруг заметил, что письмо куда-то исчезло.

Иван Терентьевич хорошо помнил, что вчера положил письмо на стол, мог даже точно сказать, что именно лежало рядом, но ни там, куда он его положил, ни в ящиках стола письма не было. Куда оно могло деваться?

— Андрейка! — позвал профессор внука. — Ты ничего не брал у меня со стола?

— И зачем бы это я брал что-то у вас со стола? — ответил из соседней комнаты Андрейка.

— А все-таки, — настаивал Иван Терентьевич. — У меня пропало письмо от Кочубея. То самое, что я тебе вчера показывал.

— Может, вы его отдали Дмитрию, — высказал догадку Андрейка.

— Нет, я Петрюку письма не давал. Не показывал даже, насколько помню.

— Так, может, он его просто сам взял?

— Не говори глупостей, Андрейка, — рассердился Иван Терентьевич.

Андрейка обиделся и умолк. Профессор еще некоторое время искал среди своих бумаг потерянное письмо, потом надел шляпу, взял портфель и ушел из дому, сказав Андрейке:

— Если кто-нибудь будет спрашивать, скажи, что я пошел за билетами и скоро вернусь.

Но вернулся он не скоро, как обещал, а лишь вечером, весь увешанный пакетами и свертками.

— Накупил на дорогу, — виновато пояснил он внуку, который открыл дверь.

Профессор имел привычку после обеда часок подремать, но сегодня об этом не приходилось и думать. К тому же Ивана Терентьевича уже ждал в кабинете Андрейка.

— Ну, — садясь за стол, шутливо проговорил профессор, — по какому делу вы зашли ко мне, глубокоуважаемый Бойко-младший?

— Прежде всего я хочу возвратить вам письмо, — сказал Андрейка и положил на стол письмо, которое напрасно искал сегодня профессор.

— Письмо? От Максима Кочубея? — удивился Иван Терентьевич. — Но где ты его нашел?

— Оно было у меня.

— Ты его...

— Украл, — смело подсказал Андрейка.

— Очень романтично, — деланно засмеялся профессор. — И что же дальше?

— Кроме того, я должен вам сказать, — продолжал Андрейка, — что я вот уже год как изучаю графологию.

— Что-что-что? — переспросил профессор. — Ты сказал: графологию?

— Да, графологию, — подтвердил Андрейка. — Мне очень нравится и ваша наука, но палеография мало интересна для меня, мертвая какая-то.

— Вполне достойное занятие для внука профессора Бойко! — саркастически усмехнулся Иван Терентьевич. — А знаете ли вы, юноша, что графологической экспертизе до точной науки так же далеко, как от Земли до планеты Плутон?

— Напрасно вы так говорите, — не сдавался Андрейка. — Вы просто не интересовались историей криминалистики.

— Ого! Передовой внук сейчас будет поучать отсталого деда!

— И совсем я не хочу поучать. Я просто напомню вам об одном случае. В 1868 г. на лейпцигской книжной ярмарке появились подделки драгоценных старинных рукописей, и эти подделки были настолько совершенными, что их жертвой стал даже такой известный специалист, как француз-

ский академик Шаль. Он тоже, как и вы, не верил в существование такой науки, как судебная графология, пока судебные эксперты не доказали ему, что он приобрел поддельные рукописи.

— Следовательно, ты хочешь сказать, что в моей библиотеке тоже есть поддельные рукописи? — спросил профессор.

— Речь идет не о рукописях, а о письме от Максима Кочубея. Я произвел графологическую экспертизу этого письма и убежден в том, что его писал не Максим.

— А кто же?

— Ну, этого я наверное сказать не могу. Но ясно то, что Максим не писал письма.

— Доказательства! Какие у тебя доказательства? — заинтересовался профессор. — Вот у меня на полке лежит курсовая работа Максима Кочубея, и почерк в ней, насколько я мог заметить, ничем не отличается от почерка, каким написано письмо. Месяц тому назад Кочубей прислал из Киргизии еще одно письмо, и почерки одинаковые.

Иван Терентьевич поднялся, чтобы найти курсовую работу и первое письмо Кочубея, но Андрейка предупредил его.

— Не ищите, — сказал он. — И курсовая работа, и первое письмо тоже у меня. Вот они. Во-первых, обратите внимание на поля. У Кочубея поля всюду постепенно расширяются книзу, а в этом письме — наоборот: вверху поля шире, а внизу вдвое уже.

— Доказательство слишком незначительное, чтобы его принимать во внимание, — сказал профессор.

— Во-вторых, строчки. У Максима все строчки строго параллельны. В письме они загибаются вверх.

— Он писал не на ровном столе, а на камне, — напомнил профессор.

— Хорошо. А что вы скажете о знаках препинания? У Кочубея они везде расставлены ниже строчки, а в письме старательно выведены на одном уровне с нижним краем букв. А он же писал не на ровном столе, а на камне.

— По двум запятым еще нельзя установить автора письма, — сказал профессор. — Ваша графология, молодой человек, слишком бездоказательная наука, если можно применить к ней такое звучное слово.

Но Андрейка и не думал сдаваться.

— Теперь переходим к вопросу о связности почерка, — заявил он. — У Кочубея почерк имеет наибольшую связность, т. е. Максим пишет в один прием по пять, а то и больше букв. В письме же буквы связаны между собой соединительными штрихами только по две-три. К тому же обратите внимание, как они соединены и как написаны. Пожа-луйста.

В руках Андрейки появилась большая лупа, которую он сразу же подал Ивану Терентьевичу.

— Посмотрите на букву «о». Она всегда пишется одним движением пера, и потому чернила лежат ровным слоем на всей протяженности буквы. Но в письме все буквы «о» написаны двумя движениями, так, словно их вырисовывали, чтобы придать им соответствующую форму. Буква «ф» пишется двумя движениями, а в письме она написана тремя.

— И что ты думаешь? — поднял голову профессор.

— Я ничего пока не думаю, — ответил Андрейка. — Для меня ясно одно: письмо подделано. Кто его подделал — неизвестно. Очень вероятно, что Петрюк.

— Почему именно Петрюк?

— А кто еще мог это сделать? Ведь ни у кого нет образцов почерка Максима, и никто вообще не знает Максима там, на Тянь-Шане. Потом мне кажется подозрительным это возвращение Петрюка. Почему он возвратился один? Оставил товарищей? Он говорит, что вывихнул ногу. Но мы с вами видели, что нога у него, должно быть, здорова, раз он так бежал по улице.

— Тогда почему же он так охотно согласился ехать на розыски Максима и Поли? И даже не согласился, а сам просил меня взять его на Тянь-Шань.

— Можно позвонить ему домой и спросить об этом у него, — сказал Андрейка. — Я знаю только, что письмо подделано.

Иван Терентьевич снял трубку телефона и стал набирать номер.

— Что же ему сказать? — бормотал он. — Алло! Кто это? Вы, товарищ Петрюк? Это Бойко. Хотел вас порадовать. Билеты уже у меня в кармане. Завтра в шесть утра нас ждет самолет. Что-о? Вы не сможете поехать? Одну минуточку.

Профессор закрыл ладонью трубку и шепотом обратился к Андрейке:

— Он отказывается от поездки!

— Я так и знал! — подпрыгнул Андрейка. — Тогда я поеду с вами, дедушка!

— Ну, ну, — махнул рукой профессор и снова заговорил в трубку: — Но что с вами? Нога? Доктора не позволяют? Ай-ай, как это неприятно. В таком случае я сейчас приеду проведать вас. Какое же беспокойство! Я вызову машину и через полчаса буду у вас.

Профессор положил трубку и посмотрел на внука.

— Одевайся, Андрейка, — решительно приказал дед. — Ты поедешь со мной. Если выяснится, что Петрюк действительно подделал письмо, то я без него на Тянь-Шань не поеду! Я ему покажу! Я его еще под суд отдам!

Таким сердитым своего дедушку Андрейка еще никогда не видел. Не время было сейчас проситься на Тянь-Шань, хотя ничего мальчику так не хотелось, как побывать в Небесных горах и принять участие в поисках исчезнувших студентов.

ДОЛИНА ДОЛГИХ СНОВ

Увайс открыл глаза, но от нестерпимо резкого света сно-ва зажмурил их. Голова была тяжелой, как камень, правое плечо болело, одежда почему-то была мокрая и лишняя, будто Увайса только что выкупали в холодном горном озере.

— Бодгат, бодгат, — услышал он возле себя негромкое бормотание.

— Что за черт? — подумал Увайс и снова открыл глаза.

Он лежал на зеленой лужайке рядом с неподвижными телами Поля и Максима, в луже воды, которая натекла с их мокрой одежды, а вокруг них стояли какие-то смуглые, почти совсем голые люди и радостно бормотали:

— Бодгат, бодгат...

Потом несколько человек наклонились над Максимом и Полей и плавными движениями начали растирать их тела. Увайс подумал, что это сон. В самом деле, откуда могли взяться эти полуголые люди с их непонятным языком, как очутился он после ледяных объятий снежной лавины на этой теплой мураве? Ведь он хорошо помнит, как катились они по крутому склону среди грома и свиста бешеного снежного потока, как крикнула Поля: «Прощай, Максим!» и как после удара головой об что-то твердое он, Увайс, покатился в какую-то черную неизвестность.

Все еще не веря в свое счастливое пробуждение, Увайс повернул голову в другую сторону. То, что он увидел, еще больше удивило мальчика.

В десяти метрах от него медленно текла река. Над нею поднимался легкий пар. Струившийся оттуда воздух пора-

жал своим ласковым теплом. На берегу реки росли какие-то широколистые деревья, и под одним из таких деревьев стоял большой белый слон. О существовании белых слонов Увайс еще никогда не слышал. Но факт оставался фактом: недалеко от мальчика на берегу теплой реки стоял белый, как снег, слон и с аппетитом жевал какой-то мясистый зеленый стебель.

Еще больше удивился Увайс, когда смуглые незнакомцы, взявшись за руки, закружились вокруг них и, пританцовывая, вихляя спинами, затаили какую-то, должно быть, очень торжественную песню. Песня становилась все громче и громче, движения поющих все ускорялись, и то ли от звуков этой песни, то ли от странных растираний, которые делали Максиму и Поле полуголые туземцы, Максим тоже очнулся и громко позвал:

— Поля! Ты здесь, Поля?

Он сразу же поднялся на локти, посмотрел на поющих, увидел Увайса и Полю и озабоченно склонился над своими друзьями.

— Вы живы?!

— Живы! — весело ответил Увайс, садясь на траву. — Немножко плечо болит, немножко голова гудит, но живы.

— Поля, а ты? — обратился Максим к девушке.

— Я не знаю, — слабым голосом сказала Поля, не открывая глаз.

— Раз уж ты подала голос, то я не сомневаюсь в том, что ты тоже жива, — улыбнулся Максим. — Но куда мы попали?

— Я тоже хотел бы это знать, — сказал Увайс.

Поля, наконец, решила взглянуть вокруг себя и быстро села.

— Мы упали в ту самую долину, которую видели сегодня утром с гор, — быстро проговорила она.

— Должно быть, мы упали не в долину, а в воду, если судить по нашей одежде, — сказал Максим.

— Это нас и спасло.

— Ты немного ошибаешься, — вмешался Увайс. — Спасла нас не вода, спасли нас эти люди.

А черноволосые, полуголые жители теплой долины все кружились вокруг наших путешественников и все пели свою песню.

— О чем они поют? — заинтересовался Максим. — Я различил только два слова: «ас» и «ман». По-немецки это означает «человек-ас», т. е. выдающийся летчик. Но откуда тут могли взяться немцы?

— Раз мы упали с неба, то ничего нет удивительного в том, что нас называют летчиками, — улыбнулась Поля. — Но постойте. Я, кажется, начинаю кое-что понимать. Да, да. Они поют об «асманах» — людях неба. На санскритском языке слово «асман» означает небо. Я различаю также слово «бодгати», что значит «просыпаться». Их язык действительно очень напоминает санскритский, и я даже могу приблизительно уловить смысл этой песни. Они поют: «Пусть славится небо, которое сбросило к нам трех белых братьев и пробудило их от долгого сна в нашей зеленой долине».

— По-моему, среди нас есть еще и сестра, — заметил Максим. — Называть нас всех трех братьями было бы не совсем точно.

Но вот песня внезапно оборвалась, и Поля, воспользовавшись тишиной, сказала несколько слов.

Один из незнакомцев выступил вперед, приложил ладони к своему лбу, потом притронулся кончиками пальцев к Полиному лбу и что-то ответил ей.

— Я спросила его, куда мы попали, — обратилась Поля к своим друзьям. — И этот человек сказал мне, что мы в Долине долгих снов, в царстве двух белых братьев из Яшмового храма.

— Если бы мне об этом сказал кто-нибудь другой, я бы подумал, что это сказка, — пробормотал Максим. — Но неужели эта долина отрезана от всего окружающего мира!

— Об этом мы узнаем позже, — сказала Поля. — Сейчас они хотят нас куда-то отвезти. Я не совсем понимаю, куда именно. Этот человек, должно быть, какой-то начальник у них, так как он отдает все распоряжения. Его зовут Путра.

Путра что-то крикнул своим, и несколько человек исчезло в густых зарослях на берегу реки. Вскоре на воде по-

казались две большие лодки с длинными загнутыми носами, на которых были мастерски вырезаны головы каких-то необыкновенных птиц. Товарищи Путры засуетились. Максиму и Поле помогли освободиться от рюкзаков, откуда-то принесли тяжелые гирлянды белых и красных цветов и надели на шеи всем трем путешественникам. После этого Путра пригласил гостей в лодки. В мокрой одежде идти было неудобно, к тому же у каждого до сих пор тело ныло от ушибов. Но Путра и его товарищи так приветливо улыбались им, песня, которую снова затянули жители долины, была такой торжественной и бодрой, что Поля, Максим и Увайс забыли о своих несчастьях и уверенно поднялись на сухой, устланый пахучими травами помост передней лодки.

Мысль о возвращении домой еще не беспокоила их. Она время от времени несмело всплывала из самой глубины сознания, но сразу же исчезала, уступая место более мелким заботам.

— Будем ли мы наконец иметь возможность хоть немного подсушиться? — спросил Максим Полю. — Да и в зубах поковырять не мешало бы. Мы втроем сейчас, наверно, целого барана могли бы съесть. Правда, Увайс?

— Можно, — охотно согласился тот. — Барана немножко можно поесть.

— Надеюсь, что в свое время мы все будем иметь, — сказала Поля. — А сейчас нужно плыть туда, куда они нас везут, и смотреть, смотреть...

Лодки плыли по теплой реке. С десятков гребцов размеренно подымали и опускали в воду большие черные весла, но всплески весел не нарушали необычайной тишины, которая царила всюду. Река была извилистой, как все спокойно текущие реки. На ее берегах зеленели могучие пальмы, бамбуковые рощи перемежались кустами древовидных папоротников, среди гигантских цветов, чем-то напоминающих дурман, неподвижно стояли огромные белые слоны и спокойно смотрели в воду. В небольших круглых озерках, образовавшихся, наверно, в старицах реки, горделиво закинув головы, плавали черные и белые лебеди. В тех местах, где густой лес отступал от берегов, глазам наших пу-

тешественников открывались широкие поля риса и какого-то растения, напоминающего просо. За каждым поворотом реки их ждала какая-нибудь неожиданность. Вот рядом с бамбуковыми зарослями высится целый лес гималайских кедров, увитых цепкими лианами. А вот растет всего лишь одно дерево с широкими, блестящими, как у комнатного фикуса, листьями, но это дерево занимает площадь большого парка, потому что оно имеет не один ствол, как обычно, а сотни, тысячи толстых и тонких стволов. Это — баньян, дерево с воздушными корнями, которые, доходя до земли, углубляются в почву и превращаются в своеобразные стволы. Тут можно было увидеть сандаловое дерево, изделия из которого многие годы сохраняют приятный запах. Дерево бабур, которое на солнце становится твердым, как железо, росло тут рядом с черным эбеновым и розовым деревьями.

Леса кишели обезьянами. Черные и рыжие, маленькие и большие, хвостатые и бесхвостые, крикливые и молчаливые, они прыгали по деревьям, табунами сидели в тени, грызя орехи, грелись на солнышке посреди полян.

Однако надо сразу же сказать, что солнца в нашем понимании над долиной не было. Оно пряталось за толстым слоем облаков. Но воздух был наполнен каким-то странным рассеянным светом, и деревья бросали на землю тень, как в обычный солнечный день, а поляны и рисовые поля сверкали так, словно на них изливались целые потоки лучей неумолимого небесного светила.

Воздух в долине был теплый, влажный, насквозь пропитанный ароматами цветов и странных, никогда не виданных нашими путешественниками, деревьев.

Но больше всего поразило Максима, Полю и Увайса то, что они нигде не видели даже признаков человеческого жилья. Неужели жители долины – совершенно дикие люди? Если судить по их одежде, они находятся не на высоком уровне развития, но, с другой стороны, если рассудить здраво, то одежда в такой духоте не особенно и нужна. Их же лодки свидетельствуют о незаурядном мастерстве. Рисовые поля указывают на то, что это народ трудолюбивый и

разумный. А полное отсутствие оружия в руках сопровождающих еще больше убеждает в правильности такой мысли. И все же странно, что нет в долине ни городов, ни сел, не видно ни одной хижины, хотя хижину и трудно заметить среди этого буйного цветения природы.

Они плыли долго. Одежда на путешественниках почти совсем высохла, аппетит разыгрался не на шутку.

— Наши сухари превратились, конечно, в тесто, — сказал Максим, — но консервы же целы. Так почему бы не развязать рюкзаки и не устроить небольшой банкет? Это было бы довольно романтично и полезно.

— Сейчас это не очень удобно, — заметила Поля. — Они везут нас как гостей, и не стоит лишать их возможности полностью проявить свое гостеприимство.

— Я бы еще мог объяснить появление тропической растительности в этой долине, — засмеялся Кочубей. — Даже белые слоны, с точки зрения зоологии, не такое уж необычное явление. Но твои, Поля, дипломатические способности... — И он развел руками, не находя соответствующих слов.

— Что ж, — сказала Поля, — раз мы попали в чужую страну, нужно уважать хозяев.

В это время Путра что-то сказал Поле. Лодка повернула к берегу. Вскоре ее нос мягко врезался в белый песок, и гребцы, соскочив в воду, на руках перенесли Полю, Максима и Увайса на покрытую зеленой кудрявой травой поляну. И как только они ступили на землю, из-за деревьев, которые окружали поляну, вышло не меньше сотни таких же полуголых смуглых людей, среди которых были и женщины и дети.

Женщины несли сплетенные из белой лозы корзины и круглые тыквы на головах. В руках у детей были гирлянды цветов — белых, голубых, красных. А мужчины были кто с чем — одни с какими-то музыкальными инструментами, напоминающими то скрипку, то домру, то маленькую гитару, другие с разноцветными шкатулками, мешочками и корбочками. Дети подбежали к Поле, Максиму и Увайсу и начали надевать им на шеи венки цветов, музыканты заиг-

рали на своих инструментах, женщины быстро расстелили на траве цыновки и начали выкладывать на них из своих корзин лепешки из ячменя и риса, крути масла, жареное мясо, фрукты и какие-то неведомые лакомства.

Путра произнес длинную и, должно быть, чрезвычайно пышную речь, смысл которой сводился к тому, что жители Долины долгих снов очень рады приветствовать у себя трех белых братьев, которые упали с неба и которые в сто тысяч раз красивее и приветливее двух здешних белых братьев.

Должно быть, Поля не все хорошо поняла в речи Путры, потому что это упоминание о каких-то двух белых братьях так и осталось совсем необъяснимым для путешественников.

Наконец, Путра пригласил их к трапезе. Пока дорогие гости ели, хозяева развлекали их музыкой и танцами, фокусами факиров и заклинателей змей, красноречием поэтов, мудростью сказочников и хитростью загадывавших загадки. Тем временем молодые и сильные мужчины соорудили между деревьями большой шалаш из веток и пальмовых листьев.

Путра объяснил Поле, что они будут жить здесь, скрытые в чаще леса, чтобы об их появлении не проведали два белых брата. И снова Поля не смогла допытаться, что это за два брата.

— Наверно, не слишком приятные джентльмены эти два брата, — высказал догадку Максим. — Поэтому нас и завезли в глухое место, где не видно никаких следов пребывания человека.

Почти до вечера продолжались танцы и пение, соревнования ораторов, поэтов, сказочников. Утомленных Максима, Полю и Увайса отвели в их шалаш. Они быстро уснули и не слышали, как с середины реки внезапно донесся чей-то сильный басовитый голос, не видели, как испугались все, кто был на поляне, звука этого голоса и как все зашептали одно, но, должно быть, страшное слово: «Кхы! Кхы! Кхы!»

Если ты перед этим скатился с высоких гор вместе со снежной лавиной и не разбился об острые камни, к счастью, прикрытые снегом, если ты угодил в бездонное озеро и не утонул лишь потому, что тебя спасли люди, которые случились поблизости, если, избегнув смерти, ты вдруг попал в дивную сказочную долину, где за один день на тебя свалилось столько впечатлений, что их хватило бы на целый год, — то нет ничего удивительного, что ты будешь спать после всего этого крепко и безмятежно.

Так спали и наши друзья. Где уж им было видеть, как в сумерках к берегу причалила лодка с бородатыми людьми в белых, плоских, как блюдца, шапках, как эти люди подошли к шалашу, как приказали сплести из лиан мягкие носилки и отнести их, сонных, в лодку.

Зато удивлению Поля не было границ, когда, проснувшись, она заметила, что лежит не в шалаше, крытом широкими пальмовыми листьями, а в лодке и что эта лодка плывет среди белой мглы.

— Максим! — окликнула она точно так же, как вчера Максим окликал ее, придя в себя после растираний.

Максим пошевелился, что-то пробормотал сквозь сон, потом внезапно вскочил и басом спросил:

— Где это мы?

— Не знаю, — ответила Поля.

— Снова плывем, что ли?

— Пльвем.

— А Увайс с нами? Ага, тут. Увайс, а ну, брат, вставай! Наш шалаш поплыл.

— Это не шалаш, а лодка, — поправила его Поля.

— Сам вижу. Только что-то эти мужчины мне незнакомы. Путры среди них не видно, да и вообще они не похожи на тех, что нас вчера приветствовали. Бородатые все, в шапках. А ну, спроси их, куда это они нас везут?

Поля обратилась к белобородому рулевому, сидевшему неподвижно, словно он был высечен из камня, и сверкавшему белками на гребцов, чтобы те усерднее гребли. Рулевой что-то ответил.

— Он говорит, что нас везут в Яшмовый храм, — пояснила Поля.

— Что ж, — вздохнул Максим, — посмотрим на храм. Нужно же узнать страну, которую ты открыл.

— Если, конечно, ты имеешь возможность что-нибудь увидеть в этом тумане, — заметила Поля.

Туман был действительно таким густым, хоть ножом режь. Он так плотно окружал лодку, что оставалось только удивляться, как рулевой мог находить дорогу и еще до сих пор не загнал лодку куда-нибудь в озеро или в узкий мелководный залив. Но постепенно белая мгла рассеивалась, вокруг светлело, уже можно было различить в отдалении темные стены высоких гор и белые шапки снегов. Как сжались сердца у наших друзей при взгляде на эти родные горы! Как захотелось им взлететь птицами на эти белые сияющие вершины, чтобы спуститься с них в теплые зеленые долины, где ждут их друзья, родные, где осталась их родина, осталась вся их жизнь, где сияет солнце, струятся прозрачные прохладные воды, где живут радость и веселье, дружба и счастье.

Но не было у них крыльев, не было даже возможности сойти с лодки и пешком идти в горы.

Белобородые все везли их по реке, молча гребя, не спуская глаз со своих пассажиров.

И снова, как вчера утром, небо над долиной очистилось от облаков, из-за гор показался краешек большого красного солнца, и все вокруг ожило, заиграло радужными красками. Краюшка солнца легла на спокойную воду тихой реки, но пролежала там совсем недолго, так как в это время в реку забрели три серых слона. Своими хоботами они

разбили солнечную краюшку на десятки огненных осколков, которые заплясали на водяных кругах, расходившихся во все стороны от того места, где гигантские животные утоляли свою жажду. На головах у слонов, между свисающими ушами, сидели полуголые смуглые люди.

Но вот лохматые белые тучи наплыли отовсюду и закрыли и солнце, и горы, и снега. И снова долина скрыла от всего окружающего мира свои леса, поля, реки и озера, скрыла своих смуглых жителей и свой храм, который только теперь заметили, наконец, молодые путешественники.

Храм подымался над рекой, перегораживая всю долину. Он состоял, собственно, из трех храмов, высоких и монументальных, как горы. Эти три храма соединялись между собой прозрачной колоннадой, легкой и прекрасной, как кружево. К центральному храму, самому большому и самому высокому, от реки вела широкая лестница из желтого камня, а чтобы попасть на эту лестницу, нужно было пройти через ворота. Издалека по сравнению с храмами ворота казались крохотными, но чем ближе подплывала лодка, тем теснее становилось в долине от трех колоссальных конических башен.

— Яшмовый храм, — гордо проговорил рулевой.

Лодка подплыла к берегу. Навстречу прибывшим никто не вышел, вблизи не было видно ни одного живого существа.

Рулевой приказал гребцам вытянуть лодку на песок и пригласил своих пленников идти за ним.

— Мне почему-то немножко хочется убежать подальше отсюда, — сказал Увайс шепотом, так, словно боялся, что его подслушают бородастые.

— Ты еще будешь иметь время для этого, — успокоил его Максим.

Они приближались к воротам храма. Это архитектурное сооружение предназначалось не иначе как для гигантов, потому что обыкновенные люди в сравнении с ними казались не больше муравьев.

Ворота поражали не только своими размерами. Они ошеломляли богатством скульптурных украшений, причудли-

вой резьбой по белому камню колонн и архитравов, необычностью формы.

* * *

Старый Токтогул лил крепкий китайский чай, налитый в пиалу услужливым Ибраем, и говорил профессору Бойко, который сидел напротив:

— Ты старый, я старый. Вдвоем пойдем в горы. Молодые ходили — возвратились ни с чем. Они не знают дороги к пещере с цветами Неба. Один только Токтогул знает. Немножко поздно уже Токтогулу идти к пещере, — прошлым летом в последний раз туда ходил с Увайсом, — но нужно еще раз побывать там. Увайс, должно быть, повел их гуда. А может, ты лучше останешься в долине? Я — человек гор, ты — профессор, тебе тяжело будет лазить по скалам.

— Нет, — отрицательно покачал головой Иван Терентьевич. — Об этом даже не стоит говорить. Я сделал все, что от меня зависело. Вызвал самолеты. Связался со спасательными экспедициями. Из района выслали в горы лучших альпинистов. Все ищут. Теперь моя очередь. Я тоже путешествовал в своей жизни немало, крутых тропок не боюсь.

— А того... тоже берешь? — спросил Токтогул, намекая на Петрюка.

— Не отпущу от себя, пока не найдем их, — решительно ответил профессор.

— Инженер нехороший человек. Ох, нехороший — с грустью сказал Ибрай, подливая Токтогулу чай.

Петрюк тем временем сидел в душевой комнате маленькой колхозной гостиницы и, скучая, наблюдал за жизнью узенькой айльской улочки. Дмитрий зевнул, сердито сплюнул на глиняный пол. Какой же он дурак, что поехал сюда! Сначала наотрез отказался от того письма, а потом испугался и согласился ехать с «больной» ногой. Мало того. Не успели прилететь в Киргизию, как он заявил, что нога, кажется, уже не болит. Большой глупости невозможно себе

представить. Профессор — человек воспитанный. Он сделал вид, что ничего не подозревает и верит ему, Дмитрию, во всем. Зато этот мальчишка — о, это такая штучка! И на черта он здесь, на Тянь-Шане? А может быть, профессор взял его намеренно, чтобы внук подсматривал за ним, Дмитрием? Хотя вряд ли. Все-таки Иван Терентьевич очень порядочный человек, хоть и орал в тот вечер, как какой-нибудь дворник. Подумать только, профессор университета врывается в квартиру к своему ученику и без всяких доказательств обвиняет его в подделке какого-то письма! Да еще хочет, чтобы виновный сразу же признался. Профессор, а такой наивный. Теперь вот еще тащит в горы. Ну, это даже хорошо. А что, если тех вдруг найдут? Они, наверное, замерзли или попали в какое-нибудь ущелье. Если кто и сможет их теперь отыскать, так только сумасшедший старик Токтогул. Ну, а он, Петрюк, уж постарается быть при этом первым. Уж кто-кто, а он знает Кочубея. Тот, даже замерзая, писал, наверное, свой дневник и, конечно же, посвятил в нем несколько «приятных» слов своему товарищу Дмитрию Петрюку. И, разумеется, хорошо было бы сделать так, чтобы этого дневника никто не увидел.

В комнату вошел Андрейка. Он был одет, как настоящий альпинист. Клетчатая — желтое с черным — ковбойка, синие шаровары, перевязанные внизу, возле щиколоток, ботинки на толстой подошве и даже ремешок на волосах, чтобы не рассыпались.

— Между прочим, альпинистские ботинки надевают только в горах, — заметил Петрюк. — А тут они могут натереть ваши драгоценные ножки.

— Тебя это не касается, — хмуро посмотрел на него Андрейка.

— Ну, как же, как же! Я горячий сторонник альпинизма юных, — деланно серьезно произнес Петрюк.

— Обойдемся и без таких сторонников, — не поняв намешки, буркнул Андрейка.

— Ну, оставим шутки, — сказал Дмитрий. — Давай лучше сыграем партию в шахматы. А то скука такая, что даже в ушах звенит.

— Я в шахматы не играю.

— Но я же видел, как ты играл с Иваном Терентьевичем.

— То с дедушкой, а то с тобой. С тобой я играть не буду. С такими, как ты, я вообще не хочу разговаривать, — решительно заявил Андрейка.

— Это с какими же?

— С трусами. С теми, кто оставляет своих товарищей.

— Вот как, — сразу побледнев, тихо проговорил Дмитрий. — Что ж, пойдем в горы, и я тебе покажу, кто из нас трус. Понял, сопляк несчастный! И не забудь купить себе соску, а то там в горах мамы нет...

— Можешь обо мне не беспокоиться, — заверил его Андрейка.

В горы выступили до рассвета. Токтогул взял из своего айла лучших молодых охотников. С альпинистской базы на помощь профессору прислали небольшую спасательную группу. Опыт и умение, мужество и выдержка — все теперь объединилось в маленьком отряде, который по крутым тропкам держал путь на высокие сырты, откуда должны были начаться поиски.

Старый Токтогул шел впереди. Петрюк на правах ближайшего товарища пострадавших шагал рядом с дедушкой Увайса. Профессор не отставал от них. Андрейку видели то сзади, то спереди. Он не разлучался с Биткой, которая, должно быть, найдя в этом мальчике что-то общее с Увайсом, очень привязалась к нему.

Подыматься в горы, даже когда под ногами мягкая трава теплых долин, когда еще не приходится штурмовать крутых стен каменистых обрывов и когда тебе не преграждают дорогу могучие ледники, это все же не так просто, как подняться по лестнице на третий или четвертый этаж

киевского дома. Не удивительно, что Токтогул, как он ни спешил, решил остановиться на ночлег перед ущельем Кара-Су, возле снегового моста.

Под защитой скал натянули палатки, разложили небольшой костер из ветвей высокогорных елей, чтобы вскипятить чай, и, пока еще было возможно, решили осмотреть мост через ущелье. Токтогул туда не пошел. Он был уверен в прочности моста, знал, что никакая сила не заставит его провалиться. Десятки лет висел он над бездной, нижние пласты льда во время летнего зноя понемногу таяли и сползали в пропасть, но их место занимали все новые и новые снежные сугробы, превращающиеся в лед.

Совсем другие мысли одолевали Петрюка. Начать хотя бы с того, что он не верил в прочность этого снегового сооружения и был убежден, что первый, кто ступит на него, сразу же полетит в черный провал. Таким образом сам собой напрашивался вывод — ни при каких обстоятельствах первым не идти через этот мост.

Иван Терентьевич знал, что Петрюк был нечестным и со своими товарищами, и с ним самим. Но профессор не хотел считать его совсем погибшим человеком. Он думал, что Петрюк еще остановится, стоит лишь дать ему возможность — и он станет на правильный путь. Поэтому Иван Терентьевич и включил его в спасательную экспедицию. Он не пробовал вызвать своего бывшего студента на откровенность, считая это непедагогичным приемом. И Петрюк не чувствовал со стороны профессора никакого осуждения. Единственный, кто досаждал ему, был Андрейка. Но Андрейку, в конце концов, можно было не принимать во внимание, и Петрюк ограничивался тем, что насмехался над мальчиком, как только мог.

Заснули рано. Только Андрейка переворачивался с боку на бок, рисуя в своем воображении планы спасения пропавших с таким расчетом, чтобы спасителем выступал он, Андрейка, и только он. Но, наконец, сон одолел и его.

Мальчику снилось, будто летит он на самолете над высокими горами и вместе с летчиком пристально смотрит вниз. Вот он заметил какие-то три черные точки на белом

склоне одной из гор и просит летчика сделать над ними круг. Самолет кружит над тем местом, и теперь Андрейка ясно видит, что это не точки, а люди. Он даже различает среди них девушку и маленького мальчика. Сомнений быть не может — это Максим, Поля и Увайс. Значит, нужно прыгать вниз. За спиной у него парашют. Летчик дергает Андрейку за рукав: «Прыгай!» Андрейка недовольно хмурится; мол, сам знаю, что нужно прыгать.

И внезапно Андрейка ощущает, что его тянут за штанину. Значит, это не сон! Через мгновение его тянут еще раз, уже сильнее, но так же молча и настойчиво.

— Кто там? — испуганно спрашивает Андрейка. В ответ молчание и снова дерганье за штаны.

— Я сейчас разбужу дедушку, — угрожает Андрейка и неожиданно слышит тихое повизгиванье. — Битка?! Ах ты ж, нехороший песик, так меня напугал! Ну, что тебе? — Андрейка потихоньку вылезает из палатки и, стуча зубами от холода, гладит мохнатую спину Битки.

— Что случилось, Битка?

Собака, продолжая тихо и жалобно повизгивать, тянет его за штанину.

— Ты хочешь, чтобы я шел за тобой? — без особого воодушевления спрашивает Андрейка. — Но в такой темноте мы с тобой свалимся куда-нибудь в пропасть. И все-таки тянешь? Вот беда!

Постепенно глаза Андрейки привыкают к темноте, и она уже не кажется мальчику такой густой. Наоборот, ему достаточно хорошо видны и темная стена гор по ту сторону ущелья, и снег, белеющий в направлении к перевалу, и даже чей-то рюкзак возле соседней палатки, круглый и большой, как каменный валун.

А Битка все тянет его за собой.

— Ну, хорошо, хорошо, — говорит Андрейка, освоившись в темноте и поборов невольный страх. — Пойдем посмотрим, что ты там нашла.

Битка повела его прямо к снежному мосту через ущелье Кара-Су. Еще не доходя до него, Андрейка услышал какой-то отрывистый звук. Казалось, кто-то невидимый тю-

кает топором или пешней по льду. Но кто бы там мог быть в такое время?

Высокий угловатый камень, нависший над Кара-Су, дал возможность Андрейке выбрать удачный пункт для наблюдения, и, наклонившись вперед, мальчик стал присматриваться к тому, что делалось возле моста. Мост белел в темноте, как куча мела на черном полу. На его белом фоне четко вырисовывалась скорчившаяся фигура какого-то человека. Человек то сгибался, то разгибался и взмахивал над головой небольшим, но, наверное, очень острым предметом, и после каждого такого взмаха раздавалось то самое тюканье, которое Андрейка слышал еще за сотню метров отсюда.

«Странно, — подумал Андрейка. — Кто же это такой и что он там делает?» Мальчик лег на живот и, стараясь не потревожить камешки, пополз к мосту. Битка ползла рядом.

Мост был уже совсем близко. Уже было видно, что незнакомец одет в темную куртку и слишком светлые брюки, что на его светлые волосы натянута черная фуражка с большим, как у жокеев, козырьком. Вот незнакомец выпрямляется, взмахивает альпинистским ледорубом и с силой бьет им под низ ледяного моста. Вот он остановился на минутку, чтобы вытереть пот с лица, повернулся в сторону лагеря, прислушался. Так это же Петрюк!..

А Петрюк тем временем снова принялся за работу. Он крошил и крошил лед с края моста, и Андрейка испугался: а что если он рубит уже давно и мост вот-вот обрушится? Тогда ведь они не смогут перейти ущелье, и Максим, Поля и Увайс останутся где-то на той стороне без помощи.

Бежать к палаткам, будить людей было поздно. За это время Петрюк успеет сделать свое черное дело, и тогда произойдет ужасное, неслыханное. Что же делать? Накинуться на Петрюка сзади? Но он намного сильнее Андрейки, к тому же в руках у него ледоруб, который может стать серьезным оружием. Он просто сбросит Андрейку в ущелье, и никто никогда не узнает, куда девался мальчик.

Окончательно потеряв надежду придумать что-нибудь разумное, Андрейка неожиданно для самого себя заорал что

есть силы:

— Это что ж ты там делаешь?

Битка, поддерживая своего нового друга, вскочила на ноги и залиvisto, сердито залаяла. Должно быть, если бы на него внезапно упала гора, Петрюк не испугался бы так, как он испугался этого выкрика и Биткиного лая. Он пошатнулся, вскрикнул и, ударив в последний раз ледорубом в крепкую ледяную стену, исчез.

Андрейка сначала ничего не понял. Ему показалось, что Петрюк залег под мостом. Но Битка уже вертелась там и тревожно лаяла. Тогда Андрейка побежал к ней. Собака металась на краю ущелья, жалобно скуля. Над ущельем, крепко ухватившись за короткую тонкую ручку ледоруба, который глубоко завяз в льдине, белели в темноте две руки. Это были руки Дмитрия Петрюка.

Петрюк скользил ногами по гладкой стене обрыва, но с перепугу никак не мог найти точки опоры. Он дышал хрипло и испуганно, как загнанный в западню зверь, и не обращал внимания ни на Андрейку, ни на Битку.

Долго не раздумывая, Андрейка размотал альпинистскую штормовую веревку (недаром он так готовился к походу в горы), быстро затянул узел на одной руке Петрюка, отбежал от ущелья и, обмотав свой конец веревки несколько раз вокруг большого острого камня, командовал Дмитрию:

— Подтягивайся на руках! Раздва! Дружно! — и изо всех сил потянул веревку.

Петрюк еще немного поскользил ногами по каменной стене, потом напряг все свои силы и медленно подтянулся к краю провала. Сначала он зацепился за каменную площадку локтями, потом, хватаясь за натянутую Андрейкой веревку, всполз выше и, наконец, после достаточно сильного рывка Андрейки окончательно взобрался наверх.

— Хотел разрушить мост? — сурово спросил Андрейка. — Да как ты смел?

— Я? Разрушить? — наконец опомнился Петрюк. — Кто это тебе сказал?

— Никто не сказал, сам видел...

— Да это я просто пробовал его прочность! — хихикнул Петрюк. — Чтобы он случайно не обрушился во время нашего перехода.

— Не ври! — презрительно сказал Андрейка. — Не считай меня дураком. Ты долго выкручивался, но на этот раз уже не выкрутишься. Хотел, чтобы мы дальше не пошли, чтобы не нашли Максима и Полю? Напакостил, наверно, а теперь боишься? Идем, Битка. Сейчас мы разбудим весь лагерь — пускай все узнают...

И он решительно пошел в ту сторону, где стояли палатки экспедиции.

— Андрейка! Андрейка! — побежал за ним Петрюк. — Да я же пошутил...

Мальчик был уже далеко. И пока Петрюк добежал, Андрейка поднял всех на ноги. Он рассказал о том, как Петрюк хотел разрушить мост и отрезать экспедиции путь к перевалу, напомнил и о подделанном письме, и о «больной» ноге Петрюка. Наступило молчание, которого не хотелось нарушать ни виновному, ни тем более другим.

Токтогул, как самый старший, заговорил первым.

— Я старый, ты тоже старый, — сказал он, обращаясь к профессору. — И оба мы дураки. Зачем взяли с собой такую паршивую овцу.

— Теперь и я вижу, что ошибся в вас, Петрюк, — тихо говорил Иван Терентьевич. — Я надеялся, что вы все-таки честный человек, хотел дать вам возможность искупить свою вину перед товарищами. А выходит, ошибся. Что вы мне на это скажете, Петрюк?

Но Петрюк молчал. Он уже сказал свое последнее слово.

Утром старый Токтогул отправил его в долину в сопровождении одного из молодых охотников.

Хотя Поля, Максим и Увайс старались рассмотреть храм, но оказалось, что пройти через гигантские ворота было нелегко. И не потому, что возле одной из колонн дремал на сплетенном из рисовой соломы стульчике белобородый мужчина, похожий на тех, которые привезли Максима, Полю и Увайса в храм. Нет, мимо этого сонного часового можно было провести целый полк солдат, и он даже не моргнул бы. Зато были другие часовые, значительно страшнее и опаснее, чем белобородый. С нижней арки ворот, с белых прекрасных колонн свисали вниз сотни змей. Тут были зеленые, тонкие, как хлыст, змеи с огромными отвратительными пастьми, очковые змеи с характерными белыми «очками» на утолщенной шее. Белобрюхая змея-стрела с рыбьей головкой извивалась рядом с толстой коброй, которая угрожающе надувала свой зоб и высовывала из пасти раздвоенный язык. А внизу, преграждая дорогу к воротам, неподвижно лежал на земле сетчатый питон, ежеминутно готовый задушить стальными кольцами каждого, кто только попытается пробраться туда.

Рулевой что-то крикнул черному привратнику, тот встрепенулся, раскрыл глаза, достал из-под себя небольшую черную дудочку и заиграл на ней печально и протяжно.

В тот же миг змеи неподвижно застыли на своих местах, питон поспешно убрал свое многометровое тело от ворот, освобождая проход, и белобородые смело вступили под высокую арку. За ними пошли и наши путешественники.

Когда они были уже на лестнице, сзади снова заиграла дудочка и снова, должно быть, зашевелились на воротах разномастные гады. Но стоило очутиться перед храмом, чтобы забыть и о гадах, и обо всем, что осталось позади.

Храм был построен из яшмы — неимоверно твердого узорчатого камня. Что за люди жили в Долине долгих снов? Как смогли они построить такой грандиозный храм из этого прекрасного, вечного материала, который давали, по-

видимому, окружающие горы? Неужели это творение таких людей, как Путра, или же предков этих белобородых?

Центральная часть храма была сделана из редкостной зеленой яшмы. Боковые башни ее представляли собой гигантские конусы из перламутрово-белого камня, похожего на китайский нефрит. Египетские пирамиды по сравнению с этим храмом были жалкими кучками камешков.

И снова перед нашими путешественниками встал вопрос: кто же строители этого храма?

Они миновали многочисленные залы, большие и маленькие, совсем темные и ярко освещенные дневным светом, проникавшим сюда неизвестно как. Потом белобородые привели Максима, Полю и Увайса в большой сад, разбитый тут же, в пределах храма. Белобородый рулевой пригласил наших путешественников войти в одну из беседок, разбросанных вокруг. Как только они вошли, белобородые бросили в беседку их рюкзаки, и двери закрылись.

— Приехали, — констатировал Максим. — Теперь можем отдыхать. Но мне почему-то кажется, что мы попали сего-

дня не к таким приятным людям, как Путра и его товарищи. Что ты скажешь на это, Увайс?

Увайс молчал. Он уже понял, что убежать отсюда невозможно. Каменный мешок, в котором они сидели, был достаточно крепок. Двери заперты надежно. В маленькие дырочки под крышей свободно могла пролететь ласточка, но для человека они были слишком узкими.

— Тебе не удалось узнать, Поля, куда это нас привели? — спросил Максим.

— Я ведь сказала — в Яшмовый храм, — ответила девушка.

— Это мы знаем, — невесело сказал Кочубей, — а детальнее?

— Ты ведь сам видел, что белобородый молчал всю дорогу, как немой.

— В таком случае воспользуемся свободным временем и наведем порядок в своем хозяйстве, — предложил Максим.

Они развязали рюкзаки и начали выкладывать на белый каменный пол свои вещи. Как и предвидел Максим, сухари и печенье превратились в куски затвердевшего теста. Записи, которые Кочубей вел на протяжении всей экспедиции, размокли в воде, чернила расплылись по страницам, и не было возможности разобрать хотя бы одно слово. Поля принялась раскладывать испорченную в воде одежду, и вскоре беседка имела вид маленькой прачечной.

Увайс занялся приготовлением завтрака. Он открыл две банки консервов, разложил на платке то, что было когда-то хлебом, соскреб с бумажных оберток остатки шоколада. Завтрак был хоть куда!

— К нам вскоре, наверно, придут, — высказала догадку Поля. — Не может быть, чтобы о нас никто не побеспокоился. Вспомните, какая гостеприимная встреча была вчера.

— Но вчера мы были совсем в другом месте, — напомнил ей Максим. — К тому же, если я не ошибаюсь, Путра говорил нам, что хочет спрятать нас от каких-то белых братьев. Возможно, эти братья нас все-таки отыскали, и мы сейчас находимся у них.

— Ты думаешь, что белобородые молчаливники — это и есть мифические белые братья? — спросила Поля.

— Посмотрим, — уклончиво ответил Кочубей. — А пока что неплохо было бы достать хоть немного обыкновенной холодной воды. — И он начал стучать кулаками в дверь.

Увайс бросился помогать ему, но все их усилия были напрасны. В саду царила мертвая тишина. Никто не подходил к их тюрьме. Только вечером, когда в саду начало смеркаться, загремел засов на дверях и тот же белобородый рулевой жестом попросил их идти за ним.

Они пошли по направлению к центральной башне, откуда долетали неясные, глухие удары, словно там кто-то бил в гигантский барабан.

Постепенно к одиночным глухим ударам присоединились более частые, и уже не было сомнения в том, что это — барабаны. Затем в глухое бормотание барабанов вплелись пронзительные голоса медных труб, и невидимый хор запел торжественный хорал, вроде того, какой нашим путешественникам довелось слышать вчера. Где-то зазвонили колокола, и могучие слоны вспугнули своим густым ревом вечерние сумерки.

— Готовится грандиозная демонстрация, — заметил Максим. — Не съедят ли нас сейчас живьем?

— Не говори глупостей! — сурово глянула на него Поля.

Они вышли на большую овальную площадь перед воротами центральной башни Яшмового храма.

Сотни смуглых мужчин в белых тюрбанах и белых повязках на бедрах, выстроившись ровными шеренгами, били в барабаны. У каждой шеренги были другие барабаны. У одной — большие, круглые, как обыкновенные оркестровые турецкие барабаны, у другой — продолговатые, как ульи для пчел, у третьей — напоминали две большие лейки. Были тут барабаны размером с блюдце, а были и как мельничный жернов. И все гудело, бубнило, дребезжало, лязгало так громко, что хоть уши затыкай.

Голые танцовщицы с серебряными зонтиками над головой кружились перед дверью храма в пленительном танце. Трубачи, стройные, молодые, с медными браслетами на

крепких ногах и руках, изо всей силы дули в свои крикливые инструменты, а большой отряд белобородых людей в круглых белых шапках-тарелочках выстроился по обе стороны высоких дверей, из которых, очевидно, вот-вот должна была выйти какая-то торжественная процессия.

И действительно. Двери мягко, беззвучно отворились, и в темной глубине храма, озаренная желтоватым пламенем камфорных светильников, появилась целая сотня белых, украшенных цветистыми попонами слонов. На спинах у слонов по двое и по трое, прячась под серебристыми четырехугольными зонтами, сидели удивительно белые люди. У них была белая, как бумага, кожа на лице и руках, белые волосы на продолговатых маленьких головках, белые ресницы. Зато глаза у этих белых людей были красные, как у кроликов. Красноглазые сидели на спинах слонов, надменные и неприступные.

— Теперь я понимаю, о каких братьях все время шла речь, — сказал Максим. — Мы попали в царство альбиносов. Эти люди, воспользовавшись бесцветностью кожи для доказательства своего превосходства над темнокожими жителями Долины долгих снов, захватили здесь всю власть в свои руки. Вы видите, как их встречают! Подобных почестей не знали, должно быть, и египетские фараоны...

Среди однообразного белого потока внезапно появилось черное вкрапление — несколько альбиносов ехало на маленьких черных слониках. За ними шел большой отряд

белобородых мужчин с высокими чашами в руках, а дальше медленно передвигался гигантский серый слон, весь в золотых и серебряных ризах, затененный двумя – один над другим – балдахинами. Перед ним выступало несколько мускулистых воинов, в руках у которых поблескивали широкие тяжелые мечи.

На спине черного слона сидели, наполовину спрятавшись в золотой, украшенной пучками страусовых перьев корзине, два альбиноса.

Все, кто был на площади, при появлении двух альбиносов на черном слоне упали на колени и дружно выкрикнули какие-то непонятные, таинственные слова:

— Бгур бгувас свас!

А когда отвратительные альбиносы милостиво кивнули головами, толпа еще раз повторила:

— Бгур бгувас свас!

Когда процессия двинулась дальше, один из белобородых подтолкнул Максима к толпе пришедших с ними из сада.

— Нас не забывают, — пошутил Максим.

— Молчи, — прошептала Поля. — Мне почему-то кажется, что здесь готовится что-то страшное. Как ты думаешь, Увайс?

— Тут, наверно, за всех думают эти два выродка, — кивнул Увайс в сторону двух альбиносов на черном слоне.

— Идея! — хлопнул себя по лбу Максим. — Как же это мы не догадались раньше? Ведь эти пижоны и есть два белых брата! Выходит, все становится на свое место. Мы попали в Долину подковы, нашли в ней Яшмовый храм, познакомились с так называемыми белыми братьями, теперь остается только одно: найти плантации цветов Неба. Тогда профессор Бойко не будет иметь к нам никаких претензий.

— Думаю, что Иван Терентьевич уже разыскивает нас, — заметила Поля.

— Вряд ли, — ответил ей Кочубей. — Мы исчезли всего несколько дней назад, и никакого повода волноваться за нас нет.

Процессия все шла и шла по многочисленным крытым переходам, мимо бассейнов и фонтанов, мимо роскошных цветников.

Взревели трубы, толпа дружно прокричала: «Бгур бгувас свас!», один из альбиносов махнул рукой, и барабанщики вышли на плантацию цветов. Тогда другой альбинос выкрикнул что-то короткое и резкое, барабанщики все, как один, ударили в звучные бока своих инструментов, и вокруг раздался такой страшный грохот, словно где-то в горах началось землетрясение.

— Смотри, Максим! — воскликнула Поля, показывая туда, где гремели барабаны.

Там творилось что-то необычайное. Обвисшие бутоны цветов медленно поднимались вверх, плотная зеленая оболочка на них развертывалась и из-под нее появлялись широкие белые лепестки. Лепестки росли на глазах, их становилось все больше и больше. Вот уже несколько бутонов распустилось совсем, и вечерний сумрак прорезали снежно-белые звезды сказочных цветов. Круглые и пушистые, как нежные облачка в летнем небе, широкие, как листья царя цветов — лотоса, они наполняли воздух еле уловимым пьянящим ароматом, от которого кругом шла голова.

— Цветы Неба, — прошептала Поля. — Так вот какие они!..

Но вот к барабанщикам присоединились белобородые чашеносцы. Они начали хватать руками цветы, срывать все лепестки и выдавливать из них в свои высокие чаши прозрачный сок.

— Я не понимаю, почему раскрываются цветы от барабанного боя, — сказала Поля. — Это просто какое-то чудо!

— Никакого чуда, — махнул рукой Кочубей. — Цветы раскрываются от вибрации воздуха. Обыкновеннейшая физика. Разве не так, Увайс?

— Этого мы в школе не проходили, — буркнул тот, не отрывая взгляда от главных альбиносов.

А тем временем среди людей, вместе с которыми наши путешественники пришли из храмового сада, послышались сперва тихие, а затем все более громкие рыдания и

вопли. Плакали мужчины, женщины, дети, словно на похоронах.

— Что случилось? — удивился Максим. — Почему они плачут, Поля? Ты не можешь узнать у этого белобородого, который следит за нами?

— Он молчит и не отвечает ни на один мой вопрос, — сказала девушка.

— Придется ждать и смотреть, — вздохнул Максим. — Но что-то мне эти пышные церемонии перестают нравиться.

— А они тебе нравились? — спросила Поля.

— Не будем вспоминать о том, что было минуту назад, — отмахнулся Кочубей.

Чашеносцы с наполненными соком чашами подошли к толпе. Главные альбиносы в один голос крикнули: «Бгур бгувас свас!», и белобородые потащили к чашеносцам женщин, детей и мужчин, приведенных из садовых беседок. Начали подталкивать туда же и наших путешественников.

— Мне кажется, что нас хотят напоить этим соком! — сказал Максим.

— Помнишь, в надписи на щите черепахи сказано, что белые братья готовят из цветов Неба напиток забвения, от которого люди спят долгие годы? — напомнила ему Поля.

— Спать долгие годы — это, очевидно, означает умереть, — пожал плечами Кочубей. — Но ведь не разыскивали же мы эту проклятую долину только для того, чтобы так бесславно закончить свои дни!

Но их тянули к чашам, несмотря на все протесты Поли и на сопротивление Увайса. Те, что попробовали уже напиток забвения, становились неестественно оживленными, они больше не плакали, а пускались в пляс, горланили песни, хохотали, и, глядя на них, смеялись довольные альбиносы.

Максим, Поля и Увайс отказались взять в руки чаши с напитком. Когда им попробовали влить напиток насильно, из этого ничего не вышло, кроме того, что Увайс выдернул у одного белобородого добрый клочок волос.

— Мы не будем пить! — выкрикнула Поля, обращаясь к главным альбиносам. — Мы свободные люди с гор, и вы не смеее заставляаать нас.

Альбиносы молча замахали руками, и к путешественникам сквозь толпу обезумевших от напитка людей начали пробираться суровые воины с широкими мечами.

— Кажется, мы попали в скверную историю, — сказал Максим. — Как ты думаешь, Увайс?

Но Увайса возле них не было. Он незаметно исчез, должно быть, вспомнив общеизвестную истину, что прятаться всегда легче там, где много людей.

— Ты не видела, куда девался Увайс? — спросил Максим девушку.

— Нет, — ответила та и громко позвала: — Увайс! Увайс! Сверкающее кольцо мечей сомкнулось вокруг них.

КТО ИЩЕТ – ВСЕГДА НАЙДЕТ

Третий день свирепствовала в горах метель. Ветер стонал, ревел, завывал, высвистывал, крутился и вытанцовывал на одном месте. Спасательная экспедиция, ничего не найдя, возвращалась назад из пещеры, в которой были избражены цветы Неба.

Лежали в спальных мешках, время от времени бросались ловить ту или другую палатку, сорванную свирепым порывом ветра, молчали и думали каждый о своем.

Старый Токтогул, убедившись, что внук его дошел до пещеры и исчез без следа в белом молчаливом просторе, сразу как-то обмяк, утратил всю свою решительность и выдержку и теперь все время вздыхал, шмыгал носом и бормотал:

— Ох, Токтогул. Совсем старый стал Токтогул, умирать пора.

Андрейка, — которому было, должно быть, страшнее всех и который ночью вспоминал, как хорошо было в Киеве и как часто он не ценил этого, — днем, когда никто не спал, притворялся веселым и бодрым и даже пробовал стыдить чабана.

— Да что это вы, дедушка Токтогул, говорите, — смеялся он, — вот утихнет ветер, так разве ж мы не помчимся вниз! А там уже, наверно, и наши путешественники возвратились.

— Ох, — стонал Токтогул, — глупый ты мальчик, как чабанская герлыга. Когда я был такой маленький, как ты, я перед старшими даже рот открыть боялся...

— А я не маленький, — не соглашался Андрейка. — Какой же я маленький, если не побоялся идти в такие горы?

— Ох, Увайс тоже не боялся... Батыр был. Глупая моя голова отпустила его. Теперь умру, кто его будет искать?

А профессор лежал тихо, ни с кем не разговаривая, и все думал, думал. Он уже не обвинял себя в том, что не помешал вовремя своим ученикам пуститься в такое опас-

ное путешествие. Возможно, он где-то просчитался, да где именно, не знает. Петрюк? Но Петрюка они отправили назад. А может, он лучше знал, где следует искать Максима и Полю? Но остается же фактом, что все трое — Максим, Поля и Увайс — добрались до пещеры с цветами, о которой Петрюк ничего не знал. Выходит, что они были здесь уже после того, как Петрюк их оставил. Следовательно, о нем можно не думать. Остается пещера. Они там спали. Весьма возможно, что успели перерисовать изображение цветов, начертили план местности. Это не могло занять много времени. А дальше? Что они делали дальше?

И тут Иван Терентьевич вспомнил о стрелках и иероглифах, которыми кончались стебли цветов. Что должны означать эти стрелки? Они указывали куда-то вниз, в том направлении, куда круто обрывался заснеженный склон. Иероглифов профессор еще не расшифровал. Не смогли их, разумеется, прочитать и Максим с Полей. Но неужели они спустились по этому склону? Может, решили узнать, куда ведут эти стрелки?

Профессор подполз к Токтогулу и крикнул старику в самое ухо:

— Уважаемый Токтогул, приходилось ли вам когда-нибудь ночевать в пещере с цветами?

— А? Ночевать? — переспросил чабан слабым голосом. — Немножко ночевал.

— А сколько раз, не помните?

— Может, пять раз, а может, десять, — ответил Токтогул. — Ночевал.

— А что ты думаешь, профессор? — в свою очередь спросил его Токтогул.

— Да ничего особенного. Думаю, что нам нужно вернуться в пещеру.

— В пещеру? — удивился чабан. — Она же пустая.

— Вы лучше скажите мне, пожалуйста, долго ли еще будет продолжаться метель? — спросил профессор. — В такую погоду туда, наверное, не доберешься.

— Не знаю, — простонал Токтогул. — Уже осень спускается с Хан-Тенгри. Теперь метель может быть очень долго.

Но наутро ветер утих. Заблестели чистые снега, показалась каменистая громада хребтов.

Андрейка повеселел. Он хитро подмигнул Токтогулу, погладил Битку, побегал с ней по снегу. Все-таки приятно, когда у тебя над головой светит солнце, когда не сбивает с ног бешеный ветер и, самое главное, когда ты идешь на такое почетное дело, как спасение товарищей.

И Андрейка пошел рядом с Токтогулом, который уже забыл о том, что ему нужно умирать, и снова вел отряд через снежную целину.

ИСТОРИЯ МЕРТВА, ЛЮДИ – ЖИВЫ

Их заперли в одну из боковых башен храма, в ту самую, которая была построена из чудесного белого нефрита.

Темнота, царившая внутри храма, не дала им возможности осмотреть свою новую тюрьму, но и во тьме легко было установить, что они попали в огромное помещение.

Страшно хотелось пить, беспокоила судьба Увайса, который исчез неизвестно куда. О собственной судьбе тоже, по-видимому, лучше было не думать. Максим и Поля попробовали задремать, устроив из своих рюкзаков постель на плитах пола, но сон лишь на короткие мгновения касался их глаз и снова отлетал, легкий и неуловимый, словно ветер.

Так миновала ночь. Сквозь невидимые отверстия в стенах внутрь храма начали вливаться серые волны рассвета. Из тьмы выступали высокие яшмовые колонны с крылатыми львами и слонами на капителях. От главного неффа храма, где находились Максим и Поля, отшлифованные узор-

чатые ступени вели к боковым алтарям, которые утопали в причудливых извивах каменной резьбы.

— Как ты думаешь, Максим, есть здесь выход? — спросила Поля.

— Сейчас будем искать, — ответил Кочубей. — Пока что нас, наверное, считают почетными узниками, если заперли в таком роскошном помещении.

— А может, тут еще кто-нибудь есть? — высказала предположение девушка.

— Вряд ли. Ты слышишь, как отдаются наши голоса под сводами. Если бы здесь кто-нибудь был, мы бы уже давно услышали.

Не успел он выговорить последние слова, как в одном из боковых алтарей обрисовалась высокая человеческая фигура, и тихий, но чрезвычайно красивый голос долетел оттуда до удивленных Максима и Поли.

— О, снег моих гор!

Фразу эту поняла только Поля и сразу же перевела Максиму.

— А ты, — сказал Максим, — отвечай ему так: О ты, око разума, красоты и справедливости!

— Оставь шутки! — сурово глянула на него девушка. — Я тебя совсем не узнаю с того момента, как мы попали в Долину долгих снов.

— Я сам себя не узнаю, — буркнул Максим.

К ним приближался высокий, величавый старик. Смуглое, оливкового цвета лицо его было старательно выбрито, пышные волосы густой седой гривой спадали почти до плеч.

— Помогите нам! — поднялась навстречу ему Поля. — Нас мучит нестерпимая жажда.

— О, все есть страдание, — грустно усмехнулся тот. — Рождение есть страдание, старость есть страдание, неволя есть страдание, разлука с любимыми людьми есть страдание.

— Мы пришли с горы, — попробовала пояснить ему Поля. — Там лежит большая, очень большая, как тысячи ваших долин, страна, и еще много стран там есть. Мы по-

пали сюда случайно и не знаем, почему нас заперли в этом храме. Нам уже второй день не дают воды.

— О, вода нужна, чтобы залить пламя, которое пожирает все на свете, — как эхо, отозвался странный старик. — Все — в пламени. Глаза и все чувства всегда в пламени, зажженном огнем любви, огнем ненависти, огнем искушения. Пламя вспыхивает при рождении, старости и смерти, оно зажигается болью и воплями скорби, страдания, заботы и отчаяния. Весь мир в пламени, весь мир окутан дымом, весь мир пожирает огонь.

— Он сумасшедший! — сказал Максим. — Берегись, Поля, а то он кинется на тебя.

И он выступил вперед, прикрывая собой девушку.

Но старик и не думал бросаться на них. Он ласково усмехнулся и спросил Полю:

— Вы пришли сюда по Теплой реке? Не встречали ли вы там Путру?

«Путра» означало «сын», но могло быть и собственным именем. Почему-то Поле захотелось, чтобы тот гостеприимный Путра, который спас их после падения с гор, как раз и был сыном этого удивительного старика.

— Мы были гостями Путры, — сказала она, — но нас забрали от него белобородые и привезли сюда. Нас заставляли пить какой-то неведомый напиток, но мы отказались. И вот белые братья велели бросить нас в этот храм.

Старик стал на одно колено и красивым, звучным голосом прочитал молитву. После этого он поднялся, приложил руки ко лбу, дотронулся концами пальцев до Полиного лба и сказал:

— Меня зовут Диас Питар, я отец доброго сердцем Путры, который остался единственным защитником нашего темнолицего народа. Сейчас начинается новый день. Птицы вылетят из гнезд своих, огонь вспыхнет в кострах, люди выйдут искать себе пропитание, только те, что выпили напиток забвения, будут лежать окаменелые точно мертвые, лишённые желаний, не будут говорить, не будут слышать, не будут видеть. Много ли вчера братьев моих пило из чаш в руках белобородых?

— Много, — ответила Поля. — Они плакали и рвали на себе волосы, но никто не заступился за них, а они сами были почему-то слишком послушными.

— Дети мои, — сказал им Диас Питар, — разве вы сможете понять, что произошло с моим народом? Их приучили к мысли, что жертва — это сердцевина мира, и потому они без возражений выполняют волю белых братьев.

После этого Диас Питар исчез в своем алтаре и через минуту вышел оттуда с большим глиняным кувшином. Кувшин был наполнен холодной, прозрачной, как слеза, водой. Старик напоил Полю и Максима, спросил, не хотят ли они есть, и пригласил к себе.

За двумя яшмовыми грифонами они увидели ложе Диаса Питара, застеленное тигровой шкурой. Зеленый плиточный пол был весь усеян сухими пальмовыми листьями. На низеньком столике из шлифованного камня лежала еда. Это было жилище нетребовательного, скромного человека, а вернее — узника, которого, наверное, побаивались тюремщики.

Старик попросил своих молодых друзей выслушать довольно длинную и печальную историю.

Имя Диас Питар ему дали уже тогда, когда его волосы засеребрились, как снег на вершинах гор. Раньше он звался просто Варавода, так как был спокойный и тихий, как вода в Теплой реке. Юношей Вару забрали в Яшмовый храм, и альбиносы велели ему наблюдать за старинными рукописями, спрятанными в одном из подземелий храма. Он превратился в единственного распорядителя и хозяина неисчислимых пальмовых листьев, покрытых угловатыми буквами древнего алфавита, сотен буйволовых шкур, на которых горели золотые письма минувших веков, десятков черепаховых щитов, изукрашенных резцами далеких предков народа Долины долгих снов. Со временем Вара научился разбирать эти письма, и тогда перед ним поднялась таинственная завеса минувшего, и он увидел юность своего народа. Сначала им овладело стремление к познанию всего. Он видел, что существование на земле превратилось в страдание для его братьев, и потому хотел спастись от стра-

дания. И он считал, что спасение это не в том, чтобы стать кем-нибудь, не в том, чтобы делать что-то новое, а лишь в познании того, что уже существует и скрыто от людей только из-за их невежества.

Но чем больше вчитывался он в старинные документы, спрятанные жестокими альбиносами в тайных подземельях, тем понятнее становилась ему его ошибка. Мало было знать прошлое. История мертва, люди — живы. Следовательно, нужно позаботиться о людях, тем более, если ты вооружен знанием истории.

Много-много веков тому назад его смуглолицый народ был совсем иным. Люди Долины подковы, как называлась когда-то Долина долгих снов, славились своей силой, своей сметливостью, любовью к искусству и науке. Они были непревзойденными строителями и умели обрабатывать самые твердые камни. Они не имели соперников во многих ремеслах. Они были наилучшими сказочниками и музыкантами во всем мире и соорудили в своей долине Храм звучания семи небесных сфер, в котором учили музыке своих детей. Теперь этот храм называют Яшмовым и детей смуглолицего народа приводят сюда лишь для того, чтобы дать им проклятый напиток забвения.

Однажды в Долине подковы появились странные чужеземцы. У них была белая кожа, белые, похожие на птичьи перья, волосы и глаза круглые и красные, тоже как у ночных птиц. Днем белые братья спали, так как их глаза были плохо приспособлены к свету, зато ночью, когда темнокожие дети юга спали, альбиносы начинали свою работу. Найдя возле Теплой реки заросли диких цветов Неба, они добывали из них какой-то сок и давали его смуглолицым. От этого напитка люди засыпали и спали долгие годы, их нужно было лишь время от времени натирать какими-то мазями для того, чтобы сберечь в телах остатки жизни. Тех, кто выпьет напиток, альбиносы обещали потом взять к себе на службу. Так возникло в Долине подковы племя бородатых людей, которые стали руками и глазами альбиносов.

Шли годы. Альбиносов становилось все больше и больше, они уже не обещали вечного блаженства пьющим сок цветов Неба, так как к тому времени этот сок стал проклятием народа Долины подковы. Белобородые хватали детей, женщин, отцов и сыновей, привозили их в Яшмовый храм и там поили этих несчастных напитком сна, на долгие годы разлучая их с родными.

Спины у жителей Долины долгих снов теперь гнулись не от старости, а от слабости. Они забыли о том времени, когда у юношей были широкие плечи, крепкие ноги, твердые руки и зоркие глаза. Все потонуло в сладостном забвении.

И вот он, Вара, решил рассказать обо всем этом своему народу. Он написал большую книгу — на сотне пальмовых листьев. Книга называлась «Открытие Долины подковы». Несколько лет переписывал он свою книгу, чтобы сразу разослать ее во многие селения долины. Когда труд был завершен, он позвал своего сына Путру и поручил ему отнести народу «Открытие Долины подковы».

Вот тогда народ и назвал его Диасом Питаром — Отцом Неба.

Но вскоре белобородые донесли альбиносам о существовании книги, и она была почти вся уничтожена, а он, ее автор, заточен в этом храме.

Его сын, Путра, на свободе, но он не знает, что нужно делать дальше. Другие также этого не знают, так как перед людьми открылось лишь прошлое. Будущее же известно ему, Диасу Питару, и он ждет той минуты, когда сможет сказать все своему народу.

— Но альбиносы, наверно, никогда вас отсюда не выпустят, — сказала старику Поля.

— Быть может, и выпустят, — усмехнулся Диас Питар. — Они уверены в своей силе.

— А почему же Путра со своими товарищами не попробует освободить вас? — удивился Максим. — Сидеть и ждать добра от альбиносов — это не выход.

— Они угнетены, — вздохнул старик. — Никто не учил их решительной борьбе. А для моих рук эти стены слишком толсты.

— Для наших рук эти стены тоже толстоваты, — сказал Максим, — но мы не собираемся тут долго засиживаться.

— У вас есть товарищи по ту сторону стен? — поинтересовался Диас Питар.

— О, там у нас целый народ, великий и сильный народ, — ответила ему Поля. — И нас никогда не бросят в беде.

— Но откуда ваш народ узнает о том, что вы здесь? — спросил Диас Питар. — Разве еще хоть один человек, кроме вас, сможет перейти снежные горы? Землетрясениями тысячи лет назад завалены все проходы в Долину подковы. Альбиносы будут спокойно выжидать. А потом вас силой заставят выпить сок забвения, и вы заснете, чтобы, проснувшись, снова пить сок и спать... И никто никогда не узнает, куда вы исчезли.

— Мы не поддадимся альбиносам, — решительно заявил Максим. — Или мы спасемся сами, или нас спасут.

— Но кто, кто вас спасет? — воскликнул Диас Питар.

Максим и Поля молчали. Они оба подумали об Увайсе.

УВАЙС

Сколько дней прошло с того времени, как он шмыгнул в кусты возле плантации цветов Неба, Увайс не мог сказать точно. Тогда его спас кожушок. Никто из белобородых, бросившихся искать мальчика, не обратил внимания на лежащего в кустах странного зверька со взъерошенной черной шерстью. Если бы кто-нибудь дотронулся до зверька, то легко обнаружил бы, что это просто вывернутый мехом наружу овечий кожушок, под которым спрятался Увайс. Но кому бы пришло в голову это сделать?!

Увайс не смог бы объяснить толком, почему он убежал именно тогда, когда их заставляли пить сок. Убежал и все. А когда уже убежал, то стал думать о том, как выручить Полю и Максима.

Единственное, что он мог сделать, — это проследить, куда их отвели белобородые. Пробраться в храм нечего было и думать. И он понял, что ему остается одно: идти к своим горам, вырваться из Долины долгих снов, чтобы привести кого-нибудь на помощь Максиму и Поле.

Около полуночи он достиг берега Теплой реки. Там он нашел небольшую черную лодку. Определив рукой, куда течет река, повернул лодку против течения: он хорошо помнил, что белобородые везли их по течению.

Однако вскоре река подошла к мрачной черной пещере, из которой, словно из бани, валил горячий пар.

Обойти это место не было никакой возможности: сверху нависали над обрывом стены Яшмового храма. И тогда Увайс — будь что будет — поплыл в пещеру. Там было темно и жарко, так что пришлось сбросить не только кожаный мешок, но и рубашку. Когда жара становилась нестерпимой, мальчик погружал голову в воду; хоть и теплая, она все же немного охлаждала. Дышать горячим паром было невозможно. Мальчик греб тяжелым веслом, выбиваясь из последних сил, задыхаясь, потеряв всякую надежду на

то, что ему удастся выбраться из этого ужасного подземелья на широкий простор, где над светлыми водами струятся потоки целительного свежего воздуха.

Пещера закончилась неожиданно. Увайс едва не закричал от радости, но удержался, вспомнив, что за ним, возможно, уже следят с берега.

Он еще некоторое время греб, чтобы подальше отплыть от Яшмового храма, но потом сообразил, что на блестящей поверхности реки лодка даже ночью отчетливо видна. Стоит кому-нибудь заметить лодку, и Увайс погиб! Мальчик быстро поплыл к берегу. Он собрал свои вещи (хотя какие там были вещи!), оттолкнул лодку – пусть себе плывет в пещеру.

Но войдя в джунгли, Увайс понял: пробираться лесом – это совсем не то, что плыть по свободной реке в хорошей лодке.

Гигантские стволы деревьев были опутаны крепкими, как стальные тросы, лианами, плети этих лиан свисали отовсюду, через каждый шаг приходилось останавливаться и распутывать их. Колючие кусты рвали на Увайсе одежду, ноги его ежесекундно проваливались в какие-то норы, вязли в тине, скользили на округлых телах ядовитых змей, от укусов которых мальчика спасала только его грубая обувь.

Увайс шел очень медленно. Он не мог свободно идти между клубами лиан, в зарослях шелковых деревьев с десятками воздушных корней, которые образовали непролазные дебри. Ему приходилось все время держаться вблизи Теплой реки. А река петляла и извивалась. И Увайс за день почти не продвигался вперед. Гор, к которым он так рвался, все еще не было видно. С самых высоких деревьев, на которые влезал мальчик, он видел лишь безбрежное зеленое море джунглей и низкое, покрытое плотной пеленой облаков, небо.

Где-то на третий или на четвертый день странствий Увайс почувствовал, что за ним следят. Какие-то тени мелькали между деревьями справа и слева, чьи-то голоса доносились до слуха, и мальчик мог бы поклясться, что это человеческие голоса. Холодными тисками страха сжал серд-

це Увайса. Ночевать на земле было опасно, и Увайс с нечеловеческими усилиями взобрался на толстую ветку, которая находилась довольно высоко над землей.

Усталость оказалась сильнее осторожности, и мальчик заснул так крепко, как не спал еще ни разу после бегства из Яшмового храма.

Проснувшись утром, Увайс хотел, как всегда, спрыгнуть вниз, но, глянув на землю, так и прирос к своей ветке. Внизу стояло с полсотни темнокожих людей, и все они смотрели на Увайса. Мальчик до того растерялся, что даже не заметил нежных, ласковых улыбок на лицах этих людей. Он не узнал и Путры, который стоял под самой веткой и протягивал к нему руки.

— Что вам нужно? — испуганно крикнул Увайс, выхватывая нож.

Люди что-то заговорили, но мальчик не понял ни одного слова. Тогда Путра догадался, что в тени деревьев мальчик не может видеть его лицо. Он немного отступил назад и, ударяя себя в грудь рукой, несколько раз повторил:

— Путра, Путра, Путра.

Путра обводил руками все вокруг, показывал на своих товарищей, на джунгли и крепко зажимал что-то невидимое в кулаке. Он хотел сказать Увайсу, что все джунгли — в их руках, что здесь хозяева — они, а не белобородые и альбиносы, и что, следовательно, ему, Увайсу, не нужно бояться.

И мальчик спрыгнул вниз.

Целый день плыл Увайс на большой лодке Путры. Двадцать гребцов дружно били веслами по тихой воде. Мальчик с надеждой смотрел вперед, но горы не появлялись. И еще два дня плыла черная лодка по Теплой реке, пока, наконец, путники не достигли большого озера, которое лежало у самого подножья гор.

В одном месте Увайс увидел много бледных, похожих на мертвецов людей, которые купались в горячих водах озера. Путра знаками пояснил ему, что это набираются сил те, кто долгие годы спал после напитка забвения в Яшмовом храме. Потом Путра повел Увайса к тому месту, где в

озеро время от времени сползали холодные языки снежных лавин, и рассказал, как однажды он увидел в такой лавине трех людей. Они плыли по озеру на снежных глыбах, как на плотках, и нужно было спасти этих людей, пока «плоты» не растаяли в горячих водах. Увайс понял, что это было как раз то место, куда они скатились со скалы.

Увайс обнял Путру и поцеловал его. Потом попробовал объяснить, что его зовут Увайсом.

— Ты — Путра, — сказал он, указывая на товарища, — я — Увайс.

— Увайс, — повторил Путра и засмеялся. — Увайс.

Мальчик, как мог, объяснил ему, что он доберется до вершин гор и вскоре спустится снова в долину, чтобы освободить своих товарищей, которых альбиносы заперли в храме. Путра, оказывается, уже позаботился о своем маленьком друге. Увайсу принесли небольшой мешочек с едой, крепкую тонкую веревку, сплетенную из лиан, острый топорик, который мог в случае надобности заменить альпинистский ледоруб, и какие-то длинные колючки с неизвестного дерева, крепкие и острые, как стальные крючья, которые альпинисты вбивают в щели скал, преодолевая особенно крутые подъемы.

Потом Путра проводил мальчика к такому месту, где бы ему не угрожали лавины, падающие с гор, и они попрощались.

Удобных выходов из долины не было. Сразу же пришлось взбираться на почти отвесную каменную стену, в которой не было ни одного приметного уступа. До самого вечера Увайс штурмовал крутой склон, забивая колючки и привязывая себя к ним веревками. Но когда перед заходом солнца он добрался до небольшой площадки и оглянулся, то увидел, что Путра и его товарищи совсем близко. Если и дальше подниматься такими темпами, то до вершины хребта ему не добраться и через месяц, не то что через день или два. Высмотрев выше еще одну, чуть побольше, площадку, Увайс решил добраться хотя бы туда, чтобы там заночевать и отдохнуть к завтрашнему штурму неприступных скал.

Но когда Увайс повис над пропастью, снизу донесся голос Путры.

— Увайс! Увайс! — кричал Путра, и в голосе его слышались беспокойство, тревога.

Мальчик не мог оглянуться. Малейшее неосторожное движение — и он скатился бы на острые камни. Когда же через час, добравшись до просторной площадки, он посмотрел вниз, то едва не вскрикнул от неожиданности и ужаса. За ним по той самой каменной стене, по которой он только что взобрался сюда, лезло десятка два каких-то необычно белых человеческих фигур. Они лезли медленно, но упорно, их было много, и они могли помогать друг другу, тогда как Увайс был один.

— Альбиносы! — сразу понял мальчик и заметался по площадке, не зная, что делать. Словно подтверждая его ужасную догадку, снизу в последний раз донесся слабый отчаянный крик Путры:

— Увайс! Увайс!

Значит, они напали все же на его след. Альбиносы бросили отряды своих воинов к горам в расчете на то, что Увайс в конце концов будет вынужден прийти именно сюда, чтобы выбраться из долины. И вот теперь его преследуют.

Их преимущество не только в том, что их много, а Увайс один. Их птичьи глаза все видят и в темноте, мальчик же вынужден сидеть на этой площадке всю ночь и лишь утром сможет продолжать подъем. Но за ночь альбиносы догонят его! Что тогда будет с Максимом и Полей? О своей судьбе Увайс уже даже не думал.

Он посмотрел вверх. Над ним нависала тысячеметровая стена. Единственное спасение теперь было в том, чтобы взбираться по этой стене всю ночь, не дать альбиносам приблизиться хотя бы на метр. Пока еще было видно, Увайс осмотрел ближайший участок стены, отметил все выступы и щели, которые можно было использовать при подъеме, и снова повис над пропастью.

Густые облака, окутывавшие скалы, ускорили наступление темноты. Увайс полз вверх всю ночь, не останавливаясь ни на минуту, и все-таки альбиносы почти догнали

его. Утром, когда на мгновение разошлись облака, Увайс увидел белые фигуры, совсем недалеко от себя, а потом долго слышал их резкие голоса, долетающие из облаков. Однако днем альбиносы двигались заметно медленнее. Нужно было воспользоваться этим и как можно дальше оторваться от альбиносов. Мальчик забыл об усталости, об обломанных ногтях на пальцах рук, о изодранных в кровь коленях. Его сознанием неотступно владела одна мысль: уйти от альбиносов, не дать им догнать себя, каких бы усилий это ни стоило.

Но к вечеру Увайс совсем обессилел. Хотелось спать, руки и ноги стали тяжелыми, как гранитные глыбы.

Он понимал, что больше не выдержит. Еще несколько десятков метров — и конец.

Даже утро не принесло обычной радости, так как для Увайса и ночь и день слились теперь в сплошную полосу невероятных страданий, от которых, — он это чувствовал, — вот—вот разорвется его маленькое сердце.

И как же он обрадовался, когда его рука вместо голого камня нащупала, наконец, мокрую, прохладную подушку снега! Это был снег его родных гор, тот снег, который давал начало быстрым рекам киргизских долин.

Взобравшись на отлогий склон, Увайс натирал снегом лицо и руки, катался по снегу, смеялся и плакал от радости и даже затянул какую-то киргизскую песню — громкую и раздольную, как бескрайние долины в предгорьях Тянь-Шаня.

Весело двинулся он вверх по склону, зная, что теперь уже альбиносам не догнать его. Он не слышал, как испуганно закричали альбиносы, ступив на холодный, скрипучий снег, не слышал сурового голоса их начальника, подгонявшего своих подчиненных. Не видел Увайс, как альбиносы, выйдя из облаков и попав на сияющий под сказочно ярким солнцем снег, попадали на землю и так пролежали до самого вечера. Солнце ослепило их, привыкших, как черные нетопыри, к ночной жизни, и они не могли сделать дальше ни одного шага.

Зато Увайс, забыв об усталости, бодро шагал по склону, подставляя свое исхудалое, но веселое лицо под солнечные лучи, которые падали и падали из голубых небесных просторов.

— Эгей! — радостно выкрикивал он. — Гей-гей-гей!

И вдруг мальчик остановился. Он замолчал и прислушался. В горах возник какой-то странный звук — далекий и слабый, так что непривычное ухо никогда бы не уловило его. Но Увайс отличил бы этот звук от тысячи других.

Далеко-далеко наверху, там, где должна была быть пещера с цветами Неба, лаяла собачка Битка.

— Эгей-гей-гей! — закричал Увайс и замахал руками, идя навстречу своим спасителям.

БЕСКРЫЛАЯ ПТИЦА

— Ты обратила внимание на правую руку Диаса Питара? — спросил Максим Полю, когда они вышли из алтаря.

— Нет, а что такое?

— Посмотри сама.

— А все-таки?

— Об этом не расскажешь словами.

— Так для чего же ты мне говоришь об этом?

— Чтобы ты завтра обратила внимание.

— Ну хорошо, обращу. А теперь давай спать.

— Попробуем, если альбиносы не вздумают позвать нас на свидание.

— Не думаю. Как видно, тут все делается без поспешности.

Ночь миновала спокойно. Альбиносы, должно быть, совсем забыли о своих необычных пленниках или были заняты чем-то другим, более важным, потому что Полю и Максима никто не потревожил ни ночью, ни на следую-

щий день. Служитель принес еду и питье для Диаса Питара; юноше и девушке не предназначалось ничего, будто их и не было в храме.

— Нам всем тут хватит, дети мои, — сказал Диас Питар, деля еду. — Да разве человек может погибнуть, если он употребляет в пищу все, что его окружает. Наши деды считали, что во всем есть душа и потому грешно убивать и есть животных. Они не ели ничего зеленого, пока оно не высушалось, потому что во всем зеленом тоже есть душа. Наши деды были ласковые люди. Мы и сейчас еще такие, но вскоре перестанем быть такими!

Эти слова Диас Питар подтвердил решительным взмахом правой руки, от которой Поля не могла отвести глаз.

Максим сказал вчера правду: правая рука Диаса Питара могла поразить кого угодно. Представьте себе большую мужскую руку, пальцы которой, сильные, подвижные пальцы, сжаты в кулак, и никогда больше не разогнутся. Уже много-много лет эти сильные пальцы ничего не делали, так как перестали двигаться, перестали разгибаться, застыли в этом большом, угловатом кулаке. И пальцы эти жили. Все эти годы на них росли ногти, как растут они у всех людей. А так как ногтям некуда было деваться, то они постепенно впивались в кожу ладони.

Поля не выдержала. Она не могла больше видеть эту стиснутую в кулак руку.

— Кто это вам сделал? — спросила она Диаса Питара, указывая на его правую руку.

— Никто, — просто ответил Диас Питар. — Я сам.

— Сами? Но зачем? — воскликнула девушка.

— В тот день, когда альбиносы бросили меня в этот храм, я поклялся, что буду бороться с ними не на жизнь, а на смерть. В знак этой клятвы я сжал кулак, чтобы не разжимать его до тех пор, пока мой народ не вздохнет свободно. Я думал так: все хорошее и нужное мы делаем правой рукой: едим, пишем, собираем рис, обтесываем камень. А разве борьба с врагом твоего народа — не нужное и не прекрасное дело?

— Да, — согласилась Поля. — Но для чего такая пытка?

— Боль в руке напоминает мне о боли моего народа, — сказал Диас Питар. — Она напоминает также о том, что борьба никогда не бывает легкой, что она не обходится без крови и страданий. Я не терял времени даром. Я готовился сам и готовил свой народ к будущей борьбе. Мы научились переносить казалось бы нестерпимую боль, мы можем без содрогания стоять между четырьмя огнями, умеем стоять на голове или балансировать на неимоверной высоте, не боясь потерять равновесие. Мы умеем задерживать дыхание, когда это нужно. Мы можем обходиться без пищи и питья столько времени, сколько нужно для того, чтобы молодой месяц стал полным.

— Если у смуглолицего народа такие выносливые воины, почему же он не восстает против альбиносов? — спросил Максим.

— Вскоре он восстанет, — ответил Диас Питар.

Потянулись дни, однообразные, длинные и тоскливые. Диас Питар каждый день царапал что-то на пальмовом листе, молился, делал физические упражнения, среди которых, между прочим, был и опасный подъем почти под самый купол центрального нефа храма, и время для него проходило незаметно.

— Дни идут за днями, как взмахи ресниц, — говорил он.

Зато Поля и Максим не могли сказать так. Для них течение времени превратилось в настоящую пытку. Дни им казались долгими, как годы, скучными и бесцветными, а ночи были полны тревожного ожидания.

Однажды Максим и Поля заснули крепко и беззаботно, словно маленькие дети. И могло случиться так, что именно в эту ночь они стали бы жертвами злого замысла альбиносов.

Проснулись они одновременно, так как обоим не хватало воздуха, грудь что-то сжимало, а сердце билось глухо, тревожно и ускоренно, словно хотело вырваться на свободу из тесной клетки ребер и улететь неведомо куда. И не менее тревожно звучал в темной пустоте храма чей-то глухой голос.

Максим ничего не понял. Поля разобрала, что голос откуда-то сверху повторял всего два слова: «Белый дым! Белый дым!»

Голос принадлежал Диасу Питару. Поля тронула Максима за плечо.

— Мне нечем дышать.

— Мне тоже, — сказал Максим. — Тут что-то случилось.

Они вскочили на ноги и увидели, что по полу, достигая их колен, стелется густой белый дым. И будто подтверждая это, сверху снова раздался голос Диаса Питара:

— Белый дым! Белый дым!

— Откуда он кричит? — не мог никак понять Максим. — И что это за дым?

— Не время сейчас устанавливать химический состав этого дыма, — направляясь к алтарю Диаса Питара, сказала Поля, — нужно быстрее выбираться отсюда.

— Куда прикажете? — насмешливо спросил Максим.

— Наверх. Раз дым стелется по полу, значит наверху он нам не будет страшен.

В тот же момент появился Диас Питар и, призывно размахивая руками, повел их за собой. Они брели в волнах белого дыма, как в тумане. Волны эти наплывали одна на

другую, и было видно, что они поднимаются все выше и выше.

— Быстрее, — хрипел Диас Питар. — Быстрее!

Ухватившись левой рукой за какой-то выступ в стене храма, он ловко полез вверх, зовя за собой молодых товарищей по несчастью.

— Что ж, — сказал Максим, — попробуем и мы, Поля, если не хотим задохнуться в этом белом чаду. Держись за дедом, а я буду прикрывать тебя снизу. Если сорвешься — поддержу.

— А если ты сорвешься? — спросила Поля.

— У меня нет такого права, — засмеялся Максим.

И они начали взбираться наверх, пользуясь как ступеньками многочисленными статуями и архитектурными украшениями и ежесекундно рискуя полететь вниз.

А белый дым все поднимался и поднимался, словно тесто в квашне, и страшно было оглянуться, зная, что сзади медленно, но уверенно гонится за тобой удушье.

Уже светало. Где-то за горами зарождалось солнце, оно вот-вот разбудит Долину долгих снов, а здесь в предрассветном сумраке храма трое людей боролись с молчаливым, упрямым и неумолимым врагом.

Диас Питар хорошо знал расположение верхних отверстий в стенах храма и, по-видимому, вел Максима и Полю кратчайшим путем. Но все же им долго, слишком долго не попадалось ни одной, хотя бы самой маленькой, отдушины, из которой повеяло бы свежим наружным воздухом. Казалось, воздух в храме уже весь был отравлен белым дымом, хотя в действительности дым был далеко внизу.

Наконец, Диас Питар добрался до окна, скрытого за изображением двух слонов, и по очереди подтянул к себе Полю и Максима.

— Идите за мной, — приказал он.

Они прошли через длинный узкий тоннель и очутились на большой, в несколько сот квадратных метров, площадке. Эта площадка, очевидно, служила крышей одного из боковых крыльев нефритового храма и была скрыта от взгля-

дов снизу высокой балюстрадой со столбами в виде танцующих, оплетенных змеями.

— Тут мы останемся до тех пор, пока в храме будет стоять белый дым, — сказал Диас Питар.

— А долго он там будет стоять? — поинтересовался Максим.

— Много дней. Он тяжелее воздуха, и в нем задышается все живое. Альбиносы уже пускали на меня этот дым, но я каждый раз спасался тут. Они думали, что я умру от голода, но мне, чтобы поддержать дух в теле, достаточно нескольких глотков воды, которые я находил в каменных желобах после дождя.

— Они, должно быть, жгут что-то внизу, под храмом, — пробормотал Максим, — и в результате неполного сгорания образуется много углекислоты. Ты, Поля, слышала о Собачьей пещере, где-то в Сицилии, что ли?

— Нет, не слышала.

— Там есть такая пещера, в которой человек чувствует себя совершенно нормально, а собака уже через минуту задышается и может совсем погибнуть от недостатка воздуха. Объясняется это тем, что в пещере из-под земли выделяется углекислый газ, который, будучи тяжелее воздуха, не подымается высоко, а все время держится возле самой земли. Вот и мы попали в такую пещеру. Надо было бежать нам всем, — вздохнул Максим.

— Все мы не могли бежать, потому что это сразу бы заметили.

— Тогда вместо Увайса должен был бежать я, — настаивал юноша. — Все-таки у меня больше сил и выдержки, чем у двенадцатилетнего мальчика.

— Это еще требуется доказать, — засмеялась Поля. — Не стоит тратить последние силы на бесполезный спор, — сказала она. — Давай сидеть и поглощать тепло.

— Чтобы восполнить те калории, которые мы должны были ввести в свое тело с пищей, — улыбнулся Максим. — Так, к вашему сведению, это не поможет.

— А все-таки благодаря Диасу Питару мы спасены, — напомнила Поля.

— Нам еще нужно спастись от голода, — невесело усмехнулся Максим. — Ведь Диасу Питару никто не принесет есть до тех пор, пока из храма не выйдет весь белый дым. А если так, то значит, нам на этой небесной высоте придется питаться только пейзажами и вольными ветрами, если, конечно, углекислота не доберется и сюда. Да вот она, кажется, уже и заявила к нам.

Действительно, из того самого тоннеля, по которому полчаса назад они шли, появились первые несмелые полосы белого тяжелого дыма. Поля испуганно попяtilась. Диас Питар успокаивающе сказал:

— Ветер будет разносить отсюда белый дым, и он нам не страшен.

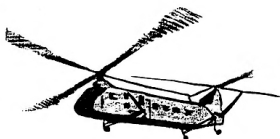
Не страшен. Легко так говорить этому удивительному старику, у которого нечеловеческая выдержка и который не боится ничего на свете. А что будут делать они вот тут, под самыми облаками?

Максим подошел к краю площадки и глянул вниз сквозь причудливые извивы балюстрады. Земли не было видно. Она лежала, укрытая мягким туманом, со своими лесами, реками и строениями, сооруженными руками смуглых людей. Нечего было и думать о том, чтобы спуститься вниз по внешней стене храма, — в отличие от внутренней, сплошь покрытой архитектурными украшениями, она была почти совершенно гладкой. Нужно было ждать. А чего ждать?

Тем временем все в природе происходило по раз навсегда заведенному порядку. Появилось на короткое мгновение солнце, заблестели в Долине долгих снов воды, зазеленели леса, забелели снега на высоких горах, за которыми лежала родная земля Максима и Поли. Потом надвинулись отовсюду облака, затянули небо, и еще тяжелее и пасмурнее стало на душе у девушки, еще более изнервничавшимся казался Максим.

— Я считаю, что единственная наша надежда теперь — это Увайс, — сказал он голосом, в котором трудно было почувствовать хоть каплю этой надежды. — Как ты думаешь, Поля, удалось ему добраться домой?

— Если он даже достиг гор, то вряд ли ему самому, без помощи, удалось пройти через ледники и снежные перевалы Поля.

Они замолчали, думая об Увайсе. Диас Питар бормотал «бхагавата», что означало «бог»... Где-то далеко внизу жила своей обычной жизнью Долина долгих снов. Над их головами изредка пролетали большие птицы, медленно взмахивая широкими крыльями.

Вдруг Диас Питар, который стоял, вперив взгляд в одну точку, быстро повернулся к Поле и, ткнув рукой в воздух, взволнованно сказал:

— Там птица. Бескрылая птица.

Максим и Поля подбежали к старику и поглядели в ту сторону, но ничего не заметили, — кругом только покрытое облаками небо.

— Вот, вот, она летит прямо на нас! — продолжал выкрикивать Диас Питар. — Разве вы не видите?

Не совсем удобно было признаваться молодым, двадцатилетним людям, что у них зрение хуже, чем у Питара, но так оно и было: ни Максим, ни Поля не видели никакой бескрылой птицы.

Да и как увидеть на большом расстоянии маленькую черную точку, которая медленно плыла над долиной! Лишь через несколько минут оттуда, куда показывал Диас Питар, долетел едва слышный звук, похожий на гудение овода или большой мухи. Теперь уже и Максим и Поля увидели, наконец, небольшой круглый предмет, который летел прямо к храму.

— Клянусь, что это вертолет с нашим Увайсом, или же я не Максим Кочубей! — воскликнул

юноша и, поспешно сняв с себя рубашку, полез на балюстраду, чтобы подать знак пилоту.

Диас Питар недоуменно посмотрел на Полю.

— Это летят наши друзья, — объяснила она старику. — В моей стране построены такие бескрылые железные птицы, которые переносят нас туда, куда мы захотим.

— Бескрылые птицы — и летают? — пораженно пробормотал Диас Питар.

— Мы, люди, тоже бескрылые, а вот научились покорять себе небесную стихию, — сказала Поля, наблюдая за тем, как Максим, едва держась на верхушке балюстрады, машет своей рубашкой навстречу большому вертолету с красными звездами на фюзеляже.

* * *

В моей квартире зазвонил телефон.

— Кто это?

— Бойко.

— Вы, Иван Терентьевич? Но что с вами? У вас такой радостный голос!

— Немедленно приезжайте ко мне, и вы услышите необыкновенную историю.

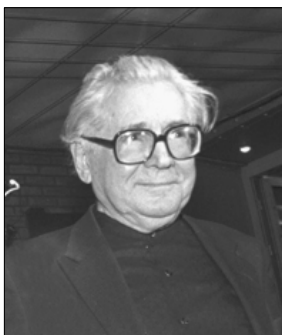
Я уже рассказал эту историю. Как видите, надпись на щите черепахи, надпись в несколько строк, привела к целому ряду удивительных приключений и событий.

Стоит ли писать о конце? Ведь известно из газет, и все это помнят, как спускались в Долину долгих снов наши вертолеты, как были освобождены Максим и Поля и как Диас Питар, выпущенный из белого форта, наконец, смог стать во главе своего народа.

Долина долгих снов очнулась от векового сна. Нет уже там хищных альбиносов, Яшмовый храм снова стал Храмом звучания семи небесных сфер, и красивый смуглолицый народ учит в нем своих детей музыке и пению.

Увайс и Андрейка заканчивают школу и мечтают, что когда-нибудь их пригласят соорудить самую большую в мире тепловую станцию на Горячем озере в Долине подковы.

Об авторе

Павел (Павло) Архипович Загребельный (1924-2009) – украинский советский писатель, журналист, Герой Украины, лауреат Государственной премии СССР, Шевченковской премии.

Родился в селе Солошино Полтавской обл. Закончил школу в 1941 г., записался добровольцем в армию. Учился во Втором Киевском артиллерийском училище, участвовал в обороне Киева, был ранен. Вернулся на фронт, в августе 1942 г. был тяжело ранен, попал в плен, до февраля 1945 года находился в немецких концлагерях. В 1945 году работал в советской военной миссии в Западной Германии. В 1946-51 гг. учился на филологическом факультете Днепропетровского университета.

С 1951 г. почти 15 лет занимался журналистикой (в частности, редактировал киевскую «Литературную газету»), сочетая ее с писательской деятельностью. В 1964-79 гг. – секретарь, в 1979-86 гг. первый секретарь СП Украины. Был депутатом ВС СССР и ВС УССР, в 1960-90 гг. состоял в КПСС.

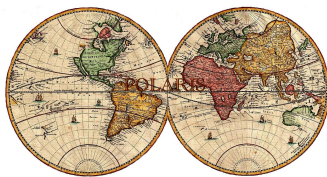
Обширное литературное наследие писателя состоит из почти 20 романов, сборников рассказов, повестей, пьес и сценариев. Наиболее известны его исторические романы, в том числе самый популярный из них – «Роксолана» (1980).

Приключенческо-фантастическая повесть «Долина долгих снов» в переводе Н. Дубова была впервые напечатана в 1957 г. в киевском журнале «Пионерия» (№№ 7-10). Публикуется по этому изданию.

Оглавление

Горы, как и океаны, скрывают...	6
Трое в горах	7
Тайна щита старой черепахи	16
Дмитрий Петрюк возвращается в Киев	20
Андрейка становится криминалистом	26
Долина долгих снов	34
Кто ищет – всегда найдет	62
История мертва, люди – живы	64
Увайс	70
Бескрылая птица	78
Об авторе	88

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.